

Патрушев Сергей

Идеальный свидетель

Сергей Патрушев

Идеальный свидетель

«Автор»

2026

Патрушев С.

Идеальный свидетель / С. Патрушев — «Автор», 2026

В роскошном особняке семьи Соколовых из сейфа пропадают 10 миллионов рублей накануне свадьбы наследника. Детектив Мария Вайс, вдова архитектора этого дома, берётся за дело. Ей предстоит распутать паутину лжи: невеста с ядом в ухе прячет флешку с компроматом, лучший друг жениха — карточный шулер, а верная горничная скрывает тайны вентиляционных шахт. Главным свидетелем становится мальчик-аутист Лёня, видящий мир как тепловую карту и знающий истинную цену каждому шороху. Это не просто кража. Это идеальная архитектурная месть, где деньги лишь наживка, а главный хищник прячется по ту сторону зеркала.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свадьба на 10 миллионов	5
Глава 2. Пять теней	14
Глава 3. Женские маски	21
Глава 4. Жених с дырой в кармане	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Патрушев

Идеальный свидетель

Глава 1. Свадьба на 10 миллионов

Серпуховская набережная в начале октября пахнет мокрым асфальтом, остывающей рекой и чужим богатством. Особняк Соколовых стоял на холме, презрительно возвышаясь над суетой Третьего транспортного кольца. Мия припарковала свой десятилетний «Фольксваген Поло» за массивными коваными воротами, там, где охрана указала жестом — между матово-черным «Гелендвагеном» и кабриолетом цвета слоновой кости. Ее машина выглядела здесь как грязное пятно на белоснежной скатерти.

Она вышла под холодный осенний дождь. На ней был строгий брючный костюм глубокого графитового оттенка, белая рубашка без единого намека на кружево и туфли на низком, но убийственно устойчивом каблуке. Никаких колец, кроме тонкого обручального платинового ободка на правой руке, который она никогда не снимала. Никакого парфюма. В ее профессии запахи мешали думать, а лишние детали отвлекали взгляд.

У входа ее встретил распорядитель праздника — мужчина с лицом, натянутым так туго, что казалось, еще немного, и кожа треснет по швам. — Вы детектив? — спросил он вместо приветствия, нервно теребя манжету своей фрачной сорочки. — Виктор Андреевич ждет вас в кабинете. Наверху. Только умоляю, постарайтесь... до того, как гости начнут съезжаться. У нас первый танец назначен на семнадцать ноль-ноль. Диджей уже выставил световую партитуру.

Мия молча кивнула и вошла внутрь.

Внутри особняка гудел растревоженный улей. Свадьба младшего сына Виктора Соколова должна была стать событием года, гвоздем сезона глянцевого журналов. Десять миллионов рублей только на кейтеринг, если верить слухам в сети. Белые орхидеи каскадами падали с мраморных балюстрад второго этажа, воздух дрожал от тихого звона хрусталя и запаха свежесрезанных пионов. Но праздничного настроения не было. Обслуга передвигалась перебежками, шепча по углам, а сквозь приглушенную музыку Дебюсси то и дело прорывались истерические всхлипы из-за какой-то двери.

Кабинет хозяина находился на третьем этаже, в правом крыле. Дубовые панели, библиотека в три тысячи томов, которые никто никогда не открывал, и панорамные окна с видом на собственную вертолетную площадку. За массивным столом из карельской березы сидел сам Виктор Соколов.

В свои шестьдесят пять он все еще напоминал матерого волка, которого загнали в угол, но зубы выпускать он не разучился. Дорогой смокинг висел на спинке кресла, узел галстука был распушен, а на крахмальной рубашке темнели пятна пота. Рядом с ним, забившись в кресло для посетителей, сидела женщина лет тридцати пяти. Бледная, с искусанными в кровь губами и размазанной по щеке тушью. На ее левой руке сиял бриллиант размером с виноградину — помолвочное кольцо невесты.

— Это госпожа Вайс, — хрипло бросил Соколов, даже не предложив Мии сесть. — Невеста моего сына. А точнее, теперь уже непонятно кто. Моя будущая невестка, если вы найдете деньги. Если не найдете — просто свидетельница самого дорогого позора моей семьи. Садитесь. Кофе вам не предлагаю, бармен заперт в кладовке вместе с остальным персоналом кухни, чтобы не путались под ногами.

Мия села в кожаное гостевое кресло напротив. Она достала из внутреннего кармана пиджака маленький блокнот в кожаном переплете и автоматическую ручку. Механический щелчок механизма прозвучал в тишине кабинета как выстрел. — Время пропажи? — спросила

она, глядя прямо в глаза старику. — Между половиной третьего и тремя ровно, — ответил Соколов. — Я лично проверял сейф перед тем, как спуститься вниз контролировать монтаж сцены. Деньги были на месте. Ровно десять миллионов. Новыми купюрами, пачками по сто тысяч. Сертификаты на подарки гостям лежали сверху. Когда я вернулся, дверца была приоткрыта. — Кто имеет доступ? — Никто, — отрезал Виктор. — Код знаю только я. Биометрию мы отключили месяц назад, палец начал сбоить. Сейф швейцарский, вскрыть его бесшумно невозможно. Стены этого дома метровой толщины, звукоизоляция идеальная. Охрана сидит внизу, у мониторов. Они бы увидели любого постороннего. — Где находилась невеста? Женщина вздрогнула, словно Мия ударила ее током. — Здесь, — тихо сказала она. Голос оказался неожиданно глубоким, с легкой хрипотцой. — Мы выбирали музыку для первого танца. Артур хотел тяжелый рок, я настаивала на классике. Мы спорили. Отец принес шампанское... — Мы праздновали последнюю холостую ночь сына! — раздраженно перебил Соколов. — Какое это имеет отношение к краже? — Прямое, — мягко возразила Мия, не отрывая взгляда от лица девушки. — Продолжайте. — Я оставила сумку вон там, — девушка кивнула на антикварный столик у окна. — Когда Виктор Андреевич открыл сейф, чтобы показать мне подарок Артуру — новые часы, инкрустированные сапфирами, — я отвернулась. Смотрела на реку. Мне стало дурно от качки яхты вчера, голова закружилась... Я слышала, как он захлопнул дверцу. Услышала характерный звук. А потом... потом отец пошел отдавать распоряжения техникам, а я осталась одна буквально на полминуты. Сумка стояла здесь. Когда я обернулась снова, сейф был открыт. Внутри — пусто. Только папка со старыми акциями Газпрома.

Мия перевела взгляд на Соколова. — Ваша реакция? — Я вызвал начальника службы безопасности. Он обыскал девушку. Раздел догола. Ничего. Вызвал ментов. Те походили полчаса, развели руками, сказали, что будут заводить дело о хищении в особо крупных, опрашивать прислугу и перекрывать город. Репортеры пронюхают через час. Если к вечеру банкета не будет десяти миллионов и воришки в наручниках, моя репутация строителя федерального уровня пойдет ко дну. Мой старший сын метит в совет директоров нефтяной компании. Этот скандал сожрет его карьеру. Найдите их, госпожа Вайс. Бюджет вашего гонорара значения не имеет. Хоть весь миллион заберете себе, лишь бы остальное вернулось в сейф.

— Я не беру миллион за возврат украденного, господин Соколов, — ровным голосом ответила Мия. — Мой тариф фиксированный. И я не работаю на сокрытие преступлений, я работаю на поиск фактов.

Старик побагровел, но сдержался. Сейчас он был готов платить кому угодно — хоть черту, хоть этой серой мышью в дешевом костюме, лишь бы спасти свою империю.

— Приступайте, — буркнул он, тяжело поднимаясь. — Я спущусь вниз. Попробуйте испортить мне праздник окончательно, и я скормлю вас своим алабаям. Лиза, будь здесь.

Когда тяжелая дверь закрылась, напряжение в кабинете слегка разрядилось. Девушка — Лиза — медленно выдохнула. — Он чудовище, — прошептала она, закрывая лицо руками. — Простите. Вам не нужно было этого слышать. Просто... десять миллионов. Зачем они ему понадобились именно сегодня? До церемонии восемь часов. — Затем же, зачем и всем, — пожала плечами Мия. — Деньги любят панику. Паника любит наличные. Начнем с физики пространства. Покажите мне вашу сумку.

Лиза послушно открыла лаковый клатч. Стандартный набор богатой девочки: айфон последней модели, ключи от «Порше», перламутровая пудреница, носовой платок с монограммой. Ни скрытых отделений, ни двойного дна. Тяжелый, плотный шелк подкладки. — Вы плакали до того, как обнаружили пропажу? — спросила Мия, рассматривая разводы туши на внутренней стороне пальцев девушки. — Да. Из-за музыки. Артур бывает невыносимым. Сказал, что если я заставлю его танцевать под Шопена, он сбежит из-под венца прямо в этих туфлях. — Слезы искренние. Нос течет по-настоящему. Значит, стресс начался раньше. Что произошло на самом деле во время спора о музыке?

Лиза подняла на Мию покрасневшие глаза. В них плескался чистый, незамутненный страх. — Дело не в музыке, — призналась она. — Артур пришел сюда злой. Сказал, что отец опять давит. Требуется подписать брачный контракт. Новый вариант. Там пункт о неразглашении коммерческой тайны семьи сроком на пятьдесят лет после развода. Понимаете? Если мы расстанемся, я не смогу даже написать книгу или дать интервью. Меня засудят. А еще... еще он сказал, что знает про Максима.

Ручка в пальцах Мии замерла. — Про какого Максима? — Моего брата. Он умер два года назад. Передозировка. Артур узнал старые чеки из реабилитационной клиники, которые я оплачивала тайно. Сказал, что расскажет отцу. Виктор Андреевич считает мою семью... неблагонадежной. Сказал, что если свадьба сорвется, он сделает так, что маму выселят из квартиры за долги. Я испугалась. Очень. Закричала на него. Бросила в него бокал. Бокал разбился о панель... вот след.

Девушка указала на стену слева от сейфа. Действительно, на красном дереве виднелась свежая, едва заметная царапина, замазанная мебельным воском, но воск лег неровно. Мия подошла ближе. Провела пальцем по краю трещины. — Вы бросили его отсюда? — она отступила на шаг, примеряя траекторию. — От окна? — Да. Кажется. — Невозможно. Угол падения неправильный. Если бы вы стояли у окна, осколки полетели бы на ковер. А этот скол оставлен предметом, брошенным от двери. Или от самого сейфа.

Мия вернулась к столу. Открытая дверца стального гиганта зияла черной пастью. Замок — сложный электронный ригель. Ручка холодная. Мия провела ладонью по верхней части дверцы, затем по боковой стойке. Остановилась. Прищурилась. Достала из другого кармана складную лупу.

— Госпожа Соколова, — не оборачиваясь, позвала она. — Подойдите. Посмотрите внимательно на металл вокруг замка. Видите эти две параллельные полосы? Едва заметные. Глубиной меньше миллиметра. Это следы от тонких полимерных клиньев. Профессиональный инструмент для манипуляций с электронными защелками. Его просовывали в стык. Сейф не открывали кодом. Его аккуратно отжали. Тот, кто это сделал, знал толщину металла вашей модели. Знал, куда именно бить.

— Но... замок же цел, — прошептала Лиза. — Цифры горят зеленым. — Потому что замок никто не взламывал. — Мия выпрямилась. — Его открыли настоящим кодом.

Она пригнулась. Воздух в кабинете казался густым. Помимо навязчивого цветочного аромата с улицы, пробивался другой запах. Резкий, химический. Озон. Так пахнет старая проводка или высоковольтный разряд. Мия опустилась на колени. Заглянула под массивную тумбу стола.

Там, приклеенная скотчем к нижней деревянной панели, торчал крошечный черный кубик. Размером с игральную кость.

— Что это? — Лиза тоже опустилась на корточки, юбка свадебного платья — репетиция образа — смялась нелепым колоколом. — Глушитель частот, — Мия осторожно поддела устройство ногтем. — Джаммер. Блокирует сигнал Wi-Fi, Bluetooth и мобильную связь в радиусе трех метров. Включается дистанционно или по таймеру. Ставится заранее. Кто-то очень не хотел, чтобы записи с камер наблюдения ушли в облако в момент кражи.

Она положила кубик в пакетик для улик. Поднялась, отряхивая брюки. Прошла вдоль книжных шкафов. Остановилась у секции с энциклопедиями. Провела рукой по золоченым корешкам. Третий том Большой советской энциклопедии стоял чуть глубже остальных. Неестественно глубоко.

Мия потянула за корешок. Книга вышла из ряда целиком, обнажив полость. Тайник. Пустой. — Ваш жених коллекционирует холодное оружие? — спросила она, возвращаясь к сейфу. — Нет... То есть, да. Старинные кинжалы. Отец подарил ему персидский клинок восем-

надцатого века. Он держит его в спальне. — А ваш брат Максим? Чем он увлекался? Кроме запрещенных веществ.

Лиза сглотнула. Вопрос попал точно в цель. — Он... он занимался паркурком. Был трейсером. Говорил, что архитектура города — это лучший в мире скалодром.

Мия посмотрела на потолок. Высокий, почти четыре метра. Лепнина, в центре — тяжелая бронзовая люстра. Но интересовал ее не центр. Интересовали углы. — Кабинет находится над гаражом? — спросила она. — Над библиотекой, — машинально ответила Лиза. — А под библиотекой — крытый бассейн и техническое помещение гаража. Там проходят основные вентиляционные шахты всего крыла.

Мия подошла к окну. Дождь усилился, капли стекали по бронированному стеклу сплошной стеной. Она повернула латунную ручку. Окно не поддавалось. — Заперто наглухо, — констатировала она. — Кондиционер работает на рециркуляцию. Значит, приток воздуха идет принудительно. Через вентшахты.

Она вернулась к сейфу. Еще раз осмотрела пространство вокруг. Взгляд зацепился за ножку тяжелого письменного кресла. На толстом ковре ручной работы, рядом с резиновым колесиком, темнело влажное пятно. Почти невидимое. Мия опустилась ниже, втянула воздух носом. — Мартини, — сказала она. — Сухой мартини с каплей биттера. Пятно свежее, часа два. Ковролин успел впитать влагу, но верхние волокна еще блестят. Кто пил алкоголь в этом кабинете, Лиза? Вы ведь знаете привычки своего жениха. — Артур ненавидит мартини, — быстро ответила девушка. — Он пьет только односолодовый виски. Без льда. А отец вообще не притрагивается к спиртному на работе, язва.

— Тогда у нас появился четвертый участник событий, — Мия достала телефон, включила фонарик и посветила под кресло. — Бутылка. Маленькая плоская фляжка. Ее здесь нет, но остался конденсат на паркете. Человек сидел в этом кресле. Пил мартини. Ждал. И когда сейф открылся, он вышел из укрытия.

Она резко развернулась к Лизе. Та инстинктивно отшатнулась. — Почему вы солгали о разбитом бокале? След на стене оставлен тяжелым предметом. Например, основанием настольной лампы. Лампа стоит справа от вас. Чтобы оставить такую отметину оттуда, нужно быть левой. Вы правша. А главное — пыль.

Мия указала на каминную полку. — Полка покрыта тонким слоем пыли. Лакей протирает ее каждое утро в семь часов. На левом углу полки слой нарушен. Там четкий отпечаток мужской ладони. Крупной. С мозолью от ручки на среднем пальце. Женщины с такими руками не приходят выбирать вальс.

Лиза смотрела на нее расширенными глазами. Губы дрожали. — Я ничего не знаю, — прошептала она. — Честное слово. Я пришла сюда в двенадцать. Мы ругались. Потом пришел отец. Потом... потом всё поплыло. Эти десять миллионов... откуда они вообще взялись? У отца все счета в Швейцарии и Сингапуре. Он не пользуется наличными со времен дефолта девяносто восьмого.

— Хороший вопрос, — Мия сделала пометку в блокноте. — Физическая валюта нужна либо для взяток, которые нельзя отследить по банковским переводам, либо для срочного бегства. Ваш будущий свекр упоминал тендер на строительство моста в Крыму. Сумма контракта — четырнадцать миллиардов. Откаты наличными обычно составляют около семи процентов. Десять миллионов — это аккуратная доля субподрядчика, которому отказали. Или плата тому, кто обеспечит правильный исход голосования комиссии.

Она спрятала блокнот. — Оставайтесь здесь. Никому не открывайте. Если жених придет мириться и предлагать выпить мартини — зовите охрану.

Мия вышла из кабинета. Коридор третьего этажа был пуст. Она прошла мимо галереи семейных портретов Соколовых — все как один смотрели сурово, предки оценивали свою вырождающуюся династию. Спустилась на второй этаж.

Здесь царил хаос подготовки. Флористы крепили последние гирлянды, осветители настраивали прожекторы, превращая зал приемов в подобие космического корабля. Мия лавировала между стремянками и коробками, пока не нашла того самого распорядителя с перетянутым лицом. Он курил электронную сигарету в дальнем конце коридора, прячась за колонной. — Где начальник охраны? — спросила Мия. — Господин Зимин в западном холле. Допрашивает официантов. Методы у него... специфические.

Западный холл представлял собой зимний сад под стеклянным куполом. Среди фикусов и пальм, прямо на мозаичном полу, сидел бледный парень в белой куртке официанта. Над ним нависал квадратный человек в плохо сидящем черном костюме. Костюм явно был куплен в магазине готового платья и трещал по швам на широких плечах. Это и был Зимин. — Я тебя последний раз спрашиваю, щенок, — рычал он, тыкая толстым пальцем в грудь парня. — Кто заходил в хозяйский блок между двумя и четырьмя? — Никто! Богом клянусь! — лепетал официант. — Нас на третий этаж вообще не пускают! Только посуду забрать! — Ты мне тут Богородицу не приплетай! — Зимин схватил парня за грудки. — Камеры слепые, датчики молчат, бабки испарились! Если через пять минут не скажешь, кто наводчик, я тебя в бетон закатываю прямо под эту пальму!

Мия кашлянула. Звук получился сухим и резким, как треск ломающейся ветки. Зимин медленно повернул голову. Его маленькие глазки уставились на Мию с нескрываемой ненавистью. Непрошенных специалистов он любил примерно так же, как налоговую проверку. — А это еще что за явление? — процедил он. — Специалист по фактам, — представилась Мия, доставая удостоверение частной практики. — Вы сейчас сломаете ребро свидетелю, Игорь Павлович. Он действительно ничего не видел. Ваши камеры ослепли не из-за халатности персонала. Их выключили изнутри системы. Нужен системный администратор банкетного зала. Тот, кто настраивал сеть перед приемом. — Какой еще админ? — Зимин отпустил официанта, и тот, подвывая, отполз в сторону. — У нас штатный айтишник в отпуске на Бали. Я сам роутер перезагружал утром. — Перезагружать умеют все. Настраивать порты доступа — единицы. Ведите меня к серверной. И пригласите старшего смены охраны, который дежурил снаружи периметра с двух до четырех.

Серверная оказалась тесной конурой под лестницей, заваленной коробками от аппаратуры диджея. Гудели стойки, мигали синие светодиоды. — Вот, — Зимин ткнул пальцем в монитор. — Смотрите сами. С двух пятнадцати до трех ноль пяти — статичная картинка. Зеленый шум. Потом запись пошла дальше. Система не выдавала ошибок питания.

Мия надела нитриловые перчатки, которые всегда носила в поясной сумке, и села в скрипящее офисное кресло перед пультом. Пробежалась пальцами по клавиатуре быстрее, чем Зимин успел моргнуть. Вывела лог-файлы авторизации. — Кто имел пароль суперадминистратора? — спросила она. — Только я, — буркнул охранник. — Ну и старый хрыч, хозяин. Ему вечно надо смотреть записи своих рыбалок в бане. — Пароль вводился в две тринадцать дня, — Мия увеличила строку кода. — С терминала номер четыре. Терминал номер четыре установлен в восточном коридоре. Напротив библиотеки. Расстояние от кабинета до библиотеки — сорок метров.

Она вывела на экран план этажа. Красная линия проложила маршрут. — Кто проходил по восточному коридору в это время? Зимин нахмурился, подошел к соседней стойке, вытащил распечатку тепловых карт с датчиков движения. — В две тринадцать... Две тринадцать... Так, массовка вся внизу, накрывают столы. Дворецкий нес лед... Горничные пылесосили шторы... О, вот. В две двенадцать система зафиксировала проход одного человека. Карта доступа... карта доступа принадлежит младшему сыну. Артуру.

Мия замерла. — Артур Соколов должен был находиться с невестой. Вы уточняли? — Да какое там уточнять! — вмешался Зимин. — Я сам его видел! Он спускался по главной

лестнице в две десять, орал в телефон на кого-то, рожа красная. Орал, что лучше сдохнет, чем подпишет гребаный контракт. Скрылся в толпе гостей. Я думал, похмеляться пошел.

— Похмеляться мартини? — Мия сняла очки в тонкой металлической оправе и устало потерла переносицу. — Игорь Павлович, соберите всех. Всех, кто был в доме в интервале с часу дня до трех. Служба доставки цветов, техники звука, кондитеры, уборщики. Постройте их во внутреннем дворе. Нам нужен список имен. И вызовите мастера по сейфам. Настоящего, не из районного отделения полиции.

— Да вы в своем уме? — вспыхнул Зимин. — Какой двор? У нас выездная регистрация через три часа! Папарацци уже линзы протирают! Если гости увидят строй... — Если вы не построите их сейчас, — голос Мии стал ледяным, — через час ваши гости увидят оперативников Следственного комитета. Выбирайте. Позор профессиональной несостоятельности или задержка мероприятия.

Зимин посмотрел на хрупкую женщину, затем на мигающие лампочки сервера. Огромная лапища сжалась в кулак, костяшки побелели. Он проиграл. — Будет сделано, — прохрипел он и вышел, хлопнув дверью так, что посыпалась штукатурка.

Оставшись одна, Мия снова открыла логи. Две тринадцать. Доступ карты Артура. Но сама карта — это просто кусок пластика. Важен чип. Она зашла в архив инцидентов. Три недели назад. Попытка несанкционированного доступа в кабинет отца. Заблокировано системой. Источник сигнала — личные покои Артура.

Мия выключила монитор. Вышла из душевой каморки.

Во внутреннем дворе уже собирали людей. Испуганные официанты, недовольные флористы с испачканными землей руками, сонный кондитер в белом колпаке. Зимин работал грубо, но эффективно. Толпу выстраивали вдоль стены фонтана.

Мия встала на низкий парапет, чтобы видеть лица. Солнце наконец-то пробилось сквозь облака, залив мокрую брусчатку ярким, почти театральным светом. Идеальный свет для финала акта. — Господа и дамы, — громко начала Мия, когда гомон стих. — Меня зовут Мария Вайс. Я провожу внутреннее расследование по факту исчезновения денежных средств из кабинета господина Соколова. Процедура займет двадцать минут. Я буду называть имена. Ваше единственное задание — посмотреть мне в глаза и ответить: заходили ли вы в период с тринадцати до пятнадцати часов в восточный коридор второго этажа?

Она взяла у Зимина планшет со списками. Начала с официантов. Мальчишки, студенты, подрабатывающие на элитных шашках. Все отрицали. Лица чистые, взгляды мечутся, но дыхание спокойное. Затем пошли флористки. Потом техник звука — огромный бородатый мужчина, от которого пахло канифолью и перегаром. — Восточный коридор? — переспросил он, почесывая пузо. — Там акустика мертвая, дамочка. Кабели туда не тянули. Я со второго этажа носа не высовывал, штекеры обжимал в белье.

Мия перешла к последнему листу. Обслуживающий персонал закончился. Остались подрядчики. — Коваленко Петр, мастер по сборке декораций. — Здесь, — вперед вышел сутулый мужичок в комбинезоне. Мия заглянула в его глаза. Темные, быстрые. Руки постоянно в движении, теребят лямки комбеза. — Петр, вы вносили арку из белых роз в восточный коридор. Во сколько? — В час тридцать начали, — охотно отозвался он. — Пока собрали каркас, пока закрепили цветы... Минут сорок там крутились. Там стена кривая, мерили рулеткой. — Вы работаете в перчатках? — Всегда. Аллергия на пыльцу.

Мия кивнула. Логично. Но что-то цепляло. Интонация. Слишком гладко. Слишком правильно. — Покажите руки, — попросила она. Мужчина протянул ладони. Плотные рабочие руки, въевшаяся грязь под ногтями. — Другую пару, — сказала Мия. — Которая внутри ботинок. Коваленко дернулся. Слишком сильно. — Дамочка, вы чего... — Показывайте. Это стандартная процедура осмотра на наличие микротравм от взлома.

Он медленно, нехотя стянул правый рабочий ботинок. Носок был промокшим. Кожа на стопе — бледной, мягкой, не знающей лопаты. А главное — на большом пальце правой ноги отсутствовал ноготь. Вернее, он был, но сине-черный, плотно прижатый к коже. Старая травма. — Огонь любите, Петр? — вдруг спросила Мия. Тот побледнел. — Чего?.. — Огонь. Факелы. Пиротехнику. Люди, которые занимаются фейерверками профессионально, часто теряют ногти от ожогов и микровзрывов. Вы ведь не просто сборщик декораций. Вы делаете огненные шоу.

Мия достала из сумки прозрачный пакетик с черным кубиком-глушителем. — Узнаете клей? Специфический состав. Используется для крепления микрокамер на спортивные болиды. Жаростойкий. Вы приклеили джаммер под стол в кабинете, когда якобы мерили стену для арки. У вас было две минуты, пока напарник ходил за стяжками.

Коваленко затравленно оглянулся. Зимин уже двинулся к нему, на ходу вытаскивая наручники. — Я не брал денег! — выпалил парень. — Богом клянусь! Мне только прибор поставить велели! Сказали, проверка пожарной сигнализации! Пятьдесят тысяч дали авансом! — Кто велел? — Мия подалась вперед. — Я не знаю! Заказ пришел через даркнет! Биржа фриланса! Текст: «Нужен спец по слаботочке на частную вечеринку». Оплата в крипте! Я даже лица не видел, общались в зашифрованном чате!

— Классическая подставка исполнителя, — вздохнула Мия. — Игорь Павлович, вызывайте полицию. Этот человек — слепой курьер. Но он дал нам вектор.

Она прыгнула с парапета. Голова внезапно стала тяжелой. День свадьбы, десять миллионов, слепые камеры, профессиональный манипулятор на сейфе, ложь невесты, картины под креслом и карта доступа жениха. Картина складывалась уродливая, но абсолютно логичная.

Нужно было проверить одну деталь. Самую важную.

Мия быстрым шагом направилась обратно в дом. Промчалась мимо ошарашенного Зимина, проигнорировав его крик в спину, взлетела по парадной лестнице.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Лиза сидела на том же месте, раскачиваясь взад-вперед. — Он едет, — мертвым голосом сказала девушка, увидев Мию. — Артур. Написал, что скоро будет. Просил открыть бутылку вина. Сказал, что всё простил и подписал контракт.

— Конечно, подписал, — Мия подошла к сейфу. — Потому что контракт больше не имеет смысла.

Она присела перед открытым металлическим шкафом. Сунула руку внутрь. Провела ладонью по задней стенке. Металл был теплым. Теплее, чем положено. Виктор Соколов утверждал, что проверял сейф в половине третьего. Но задняя стенка сейфа, стоящего вплотную к стене, не могла нагреться от солнца — окно выходило на север. Она могла нагреться только от близкого источника тепла. Или от долгого нахождения внутри человеческого тела.

Мия вынула руку. Пальцы были покрыты тонким слоем жирной копоты. И пахли миндалем. Горьким миндалем.

Она резко обернулась к Лизе. — Сколько весит ваше платье? — спросила Мия. — То, репетиционное. Со всеми подъюбниками. — Около шести килограммов, — растерянно ответила девушка. — Корсаж утягивает талию до сорока сантиметров, дышать трудно. Поэтому я переделалась в спортивный костюм, пока ждала вас. Переделалась вон там, за ширмой.

Ширма стояла в углу, отгораживая зону отдыха. Дорогая, шелковая, с вышитыми драконами. Мия обошла ширму. На обратной стороне, обращенной к глухой стене, ткань топорщилась. Детектив провела рукой по шелку. Внутренний карман. Искусно вшитый, незаметный снаружи.

Она запустила пальцы в складки ткани. Наткнулась на плотный прямоугольник. Тяжесть сотен банковских упаковок.

Мия извлекла сверток. Это был обычный полиэтиленовый пакет. Внутри — тугие пачки пятитысячных купюр. Ровно столько, чтобы объем занял место папки с акциями в сейфе.

— Выхода нет, — тихо сказала Мия, кладя пакет на стол перед Лизой. — Ни воздушного, ни подземного. Только человеческий.

За дверью слышались тяжелые, быстрые шаги. Дверь распахнулась, едва не слетев с петель. На пороге стоял Артур Соколов. Двадцать пять лет, идеальное телосложение, дорогой костюм, безупречная укладка. Лицо покраснело — то ли от дождя, то ли от злости. В руках он держал ведро со льдом, из которого торчало горлышко бутылки шампанского «Кристалл». — Девочка моя, — начал он бархатным голосом, предназначенным для фоторепортеров, но, увидев жену отца (как он считал) и пакеты с деньгами на столе, осекся. — Что происходит?

Артур сделал шаг в кабинет. Его взгляд скользнул по лицу Лизы, по деньгам, по Мие. И остановился на сейфе. — Вы нашли? — выдохнул он с явным облегчением. — Слава богу. Отец психовал. Я говорил ему, что это Лизины шуточки, женская месть за контракт...

Мия встала между ним и столом. — Вашу карту доступа использовали в две тринадцать, чтобы отключить систему видеонаблюдения, — произнесла она. — Вы знали об этом? — Естественно! — Артур поставил шампанское, упер руки в бока. — Я попросил нашего айтишника сделать мне дубликат профиля. Отец вечно прячет от меня документы по моим же трастовым фондам. Я просто хотел убедиться, что он не вписал в брачный договор пункт о лишении меня наследства в случае развода. Я зашел в коридор, приложил карту к считывателю возле библиотеки, подождал минуту, пока камера зависла, и ушел пить кофе. Я не открывал сейф! Код знают только батя и его нотариус! — Батя не знает химии, Артур, — спокойно продолжила Мия. — Иначе бы он учуял запах сразу.

Парень нахмурился. — Какой еще запах? — Горького миндаля. Признак отравления цианидом. И копыт.

Артур побледнел так стремительно, что Мие показалось — он сейчас рухнет в обморок. Он смотрел на нее непонимающими, дикими глазами. — Вы больная? Какой цианид? Уберите руки от моих денег! — Это не ваши деньги, — Мия кивнула на пакет. — Это ваша страховка.

Она подошла к окну. Распахнула форточку, впуская сырой октябрьский ветер. — План был изящным, — Мия говорила тихо, но каждое слово било наотмашь. — Никакого взлома. Никакого воровства. Была инсценировка. Для этого нужны были вы трое.

Она загибала пальцы: — Первое. Нужен повод для паники и закрытия расследования. Пропажа десяти миллионов — идеальный крючок для службы безопасности. Второе. Нужен козел отпущения. Вы выбрали Петра. Дилетант ставит глушилку, оставляет свои биологические следы, получает криптовалюту и исчезает. Третье. Нужно было заблокировать цифровые улики. Карта доступа вашего сводного брата отлично подходит, чтобы отвлечь внимание охраны на восточное крыло. Четвертое. Нужно было создать физическое препятствие для быстрого осмотра. Ширма, за которой невеста «переодевалась».

Мия повернулась к Лизе. Девушка сидела белая как мел, сжимая край стола. — Вы замечательная актриса, Лиза. Слезы, обмороки, ссора из-за музыки. Вы довели жениха до белого каления, чтобы он побежал жаловаться отцу и требовать подписания контракта любой ценой. Контракта, который развязывает вам руки.

— Я ничего не понимаю, — прошептала Лиза. — Всё вы понимаете, — Мия посмотрела ей прямо в душу. — Максим не умер от передоза.

Воздух в комнате застыл. Было слышно, как за окном сигналят машины на набережной. — Два года назад ваш брат погиб, пытаясь проникнуть в подобный особняк, — продолжила Мия. — Плохая проводка, короткое замыкание, пожар. Он упал с четвертого этажа, спасаясь от огня. Сломал позвоночник и сгорел заживо. Официально — самоубийство под кайфом. Фактически — неудачное ограбление. Вы остались вдвоем с матерью. Долги за клинику, угрозы коллекторов. Мать болеет. Ей нужны дорогие препараты.

Мия сделала паузу, давая словам впитаться в кожу присутствующих. — Тендер на мост. Четырнадцать миллиардов. Виктор Соколов завтра должен передать кому-то в Москве конверт.

Десять миллионов. Наличные, которые невозможно отследить. Он привез их домой, потому что не доверяет ячейкам перед таким делом.

Артур судорожно вдохнул. До него начало доходить. — Лиза... — прохрипел он. — Что ты наделала? — Я ничего не делала! — взвизгнула она. — Это всё... — Это всё вы сделали вместе, — оборвала её Мия. — Идеальный союз любви и ненависти. Вы оба ненавидите Виктора. Артур — за контроль и унижения. Вы — за смерть брата.

План был дьявольски прост. Им не нужно было выносить деньги из дома. Дом — лучшее хранилище. — Куда выходит вентиляционная шахта из этого кабинета? — спросила Мия. — В гараж, — севшим голосом ответил Артур. — Там технический колодец. — Шахта узкая. Метр на метр. Старый кирпичный дымоход, заложенный при постройке. Паркурщик вроде вашего брата прошел бы его играючи. Но Максим погиб. Зато живы его навыки. И его сестра, которая изучила чертежи дома, пока оформляла наследство.

Мия подошла к стене, смежной с библиотекой. — Вы не выносили деньги, — она постучала костяшками пальцев по дубовой панели. — Вы их перераспределили.

Она нажала на определенный завиток резьбы. Панель отошла в сторону с мягким пневматическим шипением. Тайник XXI века. В образовавшейся нише, среди проводов климат-контроля, стоял еще один сейф. Небольшой, переносной, огнеупорный. Кодовый замок механический.

— Температура старого сейфа, — Мия кивнула на открытый стальной шкаф, — повысилась не случайно. Пока все искали виртуозов-медвежатников, пока служба безопасности допрашивала поваров, а полиция ехала через пробки, настоящий профессионал работал.

Она посмотрела на Артура. — Вы отличный инженер, Артур. Вы модифицировали вытяжку. Сделали отвод давления. Когда ваш отец открыл свой сейф, сработал механизм сброса избыточного давления газа. Копоть и остатки цианида попали внутрь шкафа. Запах надежно перебьет любые другие ароматы на сутки. Соб

Глава 2. Пять теней

Солнце, выглянувшее над Серпуховской набережной около четырех часов дня, оказалось предательски ярким. Оно заливало белый зал приемов таким ослепительным светом, что хрустальные подвески на люстрах резали глаза острыми лучами. Праздник гудел фальшивым улем. Гости, уже начавшие съезжаться к парадному крыльцу — дамы в платьях от кутюр стоимостью с небольшую квартиру, мужчины с тяжелыми лицами капитанов индустрии — бродили по анфиладам с бокалами просекко, принимаясь к воздуху. Они чуяли беду, как акулы чуют кровь за километры. Скандал такого масштаба был лучшей закуской к икре.

Мия стояла у подножия главной лестницы, прислонившись плечом к мраморной колонне. Игорь Павлович Зимин выполнил ее приказ: внутренний двор теперь напоминал построение штрафного батальона. Тридцать человек персонала жались друг к другу под холодным ветром. Впереди, отдельно от всех, сидел на корточках Петр Коваленко, сцепив руки на стриженной голове.

Но эти тридцать были статистами. Декорацией. Мия смотрела сквозь них. Ее мозг работал как аналитическая машина, отсекая лишнее. Десять миллионов рублей не могли исчезнуть из запертого кабинета без участия тех, кто находился внутри периметра доверия.

Она достала блокнот. На чистой странице было выведено пять имен.

Артём Соколов (Жених).

Алиса Вайс (Невеста).

Олег Рюмин (Организатор).

Денис Коротич (Друг жениха).

Вера Холодная (Старшая горничная).

Остальных можно было проверить полиграфом, допросить с пристрастием или отпустить. Эти пятеро дышали кражей. У каждого была своя трещина в биографии, через которую утекала логика.

— Госпожа Вайс, — голос Зимина вырвал ее из раздумий. Он подошел неслышно для обычного человека, но его одышка всегда служила отличным радаром. — Я вывел их, как вы велели. В бильярдной. Сидят, глазами зыркают. Сволочи. Если бы я мог просто сунуть им пару пальцев в дверь... — Вы испортите мне статистику раскрытия, Игорь Павлович, — ровно ответила Мия. — Боль ломает защитные механизмы, но она же рождает ложные воспоминания. Мне нужна правда, а не то, что люди готовы сказать, лишь бы прекратить пытку. Пригласите первого. Начнем с того, кому меньше всего есть что терять.

Зимин скривился, но спорить не стал. Он тяжелой походкой направился к дверям малой гостиной, где содержались подозреваемые под охраной двух его людей.

Бильярдная находилась в полуподвале. Низкие сводчатые потолки, зеленое сукно столов, запах старого дерева и дорогого табака, которого здесь давно никто не курил. Пятерых привели сюда и рассадили в кресла вдоль стены. Между ними и выходом стоял охранник.

Мия вошла одна. Она оставила Зимина за дверью. Присутствие начальника службы безопасности создавало избыточное давление; сейчас ей нужен был вакуум.

Она обвела взглядом лица. Артём Соколов сидел с идеально прямой спиной. Двадцать восемь лет, выпускник Лондонской школы экономики, лицо наследника престола. Сейчас это лицо покрывала нездоровая бледность, а узел галстука был распушен так небрежно, что казался результатом долгих попыток сорвать его с шеи. Рядом с ним, держа его за руку мертвой хваткой утопающего, сидела Алиса. Бледная, с потекшей тушью, она выглядела сломанной куклой, которую пытались собрать заново неумелые руки. Напротив них развалился Дэн — Денис Коротич. Вечный студент мажорных вузов, прожигатель жизни, спонсируемый отцом-

нефтяником. На нем были розовые брюки, шелковая рубашка с попугаями и выражение абсолютного, непрошибаемого похмелья. Он единственный из всех улыбался, демонстрируя идеальные виниры. Олег Рюмин, организатор мероприятия, стоял у окна, сложив руки на груди. Костюм-тройка сидел на нем безупречно, волосы уложены волосок к волоску. Его спокойствие было пугающим. Так спокоен бывает хирург перед ампутацией. А рядом с камином, кутаясь в форменную шаль, сторбилась Вера. Старшая горничная Соколовых. Ей было далеко за шестьдесят. Лицо состояло из одних вертикальных морщин, словно жизнь вытягивала из нее все соки сверху вниз. Она смотрела в пол, перебирая четки из черного дерева.

Мия подошла к барной стойке. Достала из внутреннего кармана пиджака пять маленьких стеклянных флаконов с притертыми пробками. Поставила их на край зеленого сукна. Внутри плескалась бесцветная жидкость. — Лактатдегидрогеназа, — сказала она в наступившей тишине. — Смешанная с фенолфталеином. В присутствии следов оружейной смазки, пороха или специфических полимеров, используемых при вскрытии замков, индикатор даст ярко-малиновый цвет. Это не больно. Просто капелька на тыльную сторону ладони. Добровольно сдадите пробы — снимете с себя первичные подозрения. Откажетесь — пройдете процедуру принудительно, после чего я лично прослежу, чтобы вас внесли во все базы данных МВД как оказавших сопротивление следствию.

Первым поднялся Олег. Организатор. Он подошел к столу молча, закатал рукав белоснежной рубашки и протянул руку. Капля упала на кожу. Цвет не изменился. — Чист, — констатировала Мия. — Садитесь, Олег. Ваша работа сегодня закончена. Жду вас завтра в девять утра с полной финансовой отчетностью по смете свадьбы. До копейки.

Олег кивнул, промокнул руку платком и вернулся к окну. Он больше не смотрел на присутствующих. Для него они уже стали отработанным материалом.

Вера поднялась второй. Шаркая ногами, она дошла до стола. Протянула узловатые, красные от постоянной работы с химикатами пальцы. Капля впилась в морщинистую кожу. Никакой реакции. — Спасибо, Вера, — мягко сказала Мия. — Идите отдыхать. Передайте сменщице, что завтрашняя утренняя уборка третьего этажа отменяется. Там будут работать эксперты.

Горничная мелко перекрестилась сухонькой рукой и вышла, шаркая еще сильнее, чем раньше. Старая женщина знала свое место и боялась любого внимания хозяев. Она не играла.

Дэн вздохнул театрально громко. — Ребят, это какой-то сюр, — заявил он, поднимаясь. — Я вчера полночи искал свои носки в Сити, а вы меня тут в ограблении века обвиняете. Давайте быстрее, у меня самолет в Майами в десять вечера. Бизнес-класс оплачен. Он мазнул ладонью по колбе. Розовая рубашка делала его жест комичным, но реакция последовала мгновенно. Жидкость на его коже вспыхнула ядовито-малиновым цветом.

Тишина стала густой, как кисель. Улыбка медленно сползла с лица Дэна. Он посмотрел на свою ладонь, потом на Мию. — Эй, это какая-то ошибка, — его голос внезапно потерял вальяжность. — Я вообще руками ничего тяжелее джойстика не трогаю! Наверное, ваши менты там внизу лапали мои вещи... Или этот ваш шкаф сам фонит! — Шкаф инертен, — отрезала Мия. — А вот ручки сейфа мы обработали нингидрином. Ваши отпечатки проявились четко. Плюс микрочастицы графита. Вы играли в бильярд перед тем, как зайти в кабинет? Мел въедается в поры. Графит — отличный проводник. Вы открывали замок отмычками, Денис. Старым добрым набором «Богомол».

— Да пошел ты! — рявкнул Дэн, пытаясь стереть пятно о штаны. — Мой отец тебя купит и продаст! Ты хоть представляешь, с кем связалась?! — Представляю, — Мия взяла следующий флакон. — Сядьте. Следующий.

Артём встал. Медленно, механически. Алиса попыталась удержать его, но он аккуратно, почти нежно высвободил кисть из ее захвата. Подошел к столу. Посмотрел на Мию пустыми

глазами. — Я не открывал сейф отца, — сказал он тихо. — Код знаю только я и он. Но я его не вводил. Он протянул руку. Капля упала на кожу. Никакой реакции. Чисто.

Мия внимательно посмотрела на его пальцы. Ногти коротко стрижены, кожа ухоженная. Но на костяшке указательного пальца темнела свежая ссадина, едва затянутая корочкой. Такую оставляют либо о зубы, либо о грубую наждачную бумагу. — Что произошло в кабинете между двенадцатью и часом дня? — спросила она. — Мы обсуждали контракт, — ответил Артём, возвращаясь к невесте. — Отец принес шампанское. Я отказался. Я пил воду. — Вода оставляет другие следы на слизистой. От вас пахнет мятой и желудочным соком. Вас тошнило, Артём. Сильно. Прямо в корзину для бумаг возле стола. Поэтому корзина стоит криво, а на ковре остались высохшие капли, которые уборщица пыталась затереть влажной салфеткой, размазав грязь. Вы отравились? — Меня трясло, — признался Артём, обнимая Алису за плечи. Та наконец позволила себе разрыдаться ему в плечо. — Из-за контракта. Из-за мамы. Отец обещал оставить нас нищими, если я не подпишу пункт о неразглашении схем вывода средств через офшоры. Я вышел в туалет. Вернулся — денег нет.

Мия сделала пометку. *Реактивная рвота на фоне панической атаки.* Физиология сходится. Артём вне игры. По крайней мере, физически.

Оставалась Алиса. Она сидела неподвижно, глядя прямо перед собой. Когда очередь дошла до нее, она даже не пошевелилась. — Алиса, — позвала Мия. Девушка вздрогнула, словно очнувшись от транса. Посмотрела на флаконы, затем на свои руки. Они дрожали мелкой, заметной дрожью. — Я никуда не заходила, — прошептала она. — Я была с Артемом. Потом плакала. Потом пришел Виктор Андреевич. Я не брала деньги. Максим умер, потому что такие, как вы, богатые ублюдки, гоняют своих детей на тачках, пока простые парни гибнут, пытаюсь заработать на дозу моим братом! Я ненавижу этот дом! Но я не воровка!

Ее истерика была громкой, искренней, слезливой. Классический защитный механизм. Перенаправление агрессии. — Сдайте анализ, — потребовала Мия. — Не подходи ко мне! — Алиса вскочила, опрокинув кресло. — Я требую адвоката! Я гражданка другой страны! Мой отец консультирует правительство! — Ваш отец торгует подержанными катерами в Мариуполе, — ровным голосом сообщила Мия. — Данные пограничной службы показывают, что вы пересекли границу РФ три года назад по программе переселения соотечественников, имея в кармане сорок долларов и поддельный аттестат. Ваше прошлое чистое, потому что его нет. Вы начали существовать в базах данных только тогда, когда сошлись с Артёмом. Садитесь. Берите флакон. Или я вызову наряд и мы поедем снимать пробу ДНК и проверять вашу девичью фамилию по линии Интерпола. Уверяю, там найдется много интересного о микрокредитах, которые ваша мать набрала в четырнадцатом году.

Это был удар ниже пояса, жестокий и точный. Алиса пошатнулась. Кровь отхлынула от ее лица, оставив серую маску. Она медленно, как автомат, подошла к столу. Протянула руку. Капля коснулась кожи. Ничего не произошло. Жидкость осталась прозрачной.

Мия нахмурилась. Статистически вероятность того, что вор среди пятерых отсутствовал, равнялась нулю. Три чистых теста, один положительный. Логика говорила, что виноват Дэн. Но интуиция, натренированная годами поиска несоответствий, кричала об обратном. Слишком гладко. Слишком быстро нашли исполнителя.

— Одну минуту, — Мия подошла к Алисе вплотную. — Поверните голову вправо. Она приподняла подбородок девушки двумя пальцами. Кожа была холодной, липкой. Мия заглянула ей в левое ухо. Глубже, чем позволяла приличие. Использовала фонарик телефона. В ушном канале, плотно забитый серой, торчал крошечный латексный пакетик. Почти прозрачный.

Мия резко, одним движением, выхватила его длинным пинцетом, который извлекла из набора для оказания первой помощи. В пакете лежала единственная таблетка. Синяя, ромбовидная. Цианид калия. Смертельная доза.

В комнате повис звук упавшей иглы. Даже охранник у двери сделал шаг вперед. — Зачем вам это? — спросила Мия, кладя пакетик на стол рядом с флаконами. — Планировали выпить после церемонии? Или сразу после подписания брачного договора?

Алиса рухнула обратно в кресло. Закрыла лицо руками. Ее плечи сотрясались, но звуков не было. Сухая, страшная истерика. — Он знал про Макса, — выдавила она сквозь рыдания. — Артур узнал неделю назад. Про клинику. Шантажировал. Сказал, что расскажет отцу. Виктора хватит удар, маму вышвырнут из квартиры коллекторы... Артур предложил сделку. Я подписываю всё. Любые пункты. Забираю половину этих десяти миллионов после венчания. Кладу маме на счет клиники в Израиле. Мы улетаем. Навсегда. Исчезаем. — А цианид? — Страховка, — глухо ответила девушка, не отнимая рук. — Если бы Виктор попытался аннулировать перевод или задержать нас... Я бы выпила. Я не хотела жить в клетке этой семьи. Деньги нужны были не нам. Они нужны были, чтобы купить свободу моей матери. Я не открывала сейф! Богом клянусь! Я зашла туда только взять сумку. Деньги уже лежали на столе, папка была открыта. Я видела их. Хотела взять одну пачку, спрятать в лифчик, чтобы иметь хоть что-то на первое время, но испугалась. Там камеры... хотя они мигали красным. Я думала, запись идет.

Картина дополнялась новыми, кровавыми красками. Алиса — соучастница вымогательства, потенциальная самоубийца, но не взломщик.

Мия вернулась к зеленому сукну. Пять флаконов стояли в ряд. Один малиновый, четыре прозрачных. Подозреваемый найден. Дело закрыто. Вызывай полицию, передавай Дэна операм, пиши отчет.

Но вместо этого Мия села в кресло напротив Дэна. Тот заметно расслабился, решив, что буря миновала. — Где набор? — спросила она. — Какой набор? — Дэн изобразил святую простоту, но взгляд метнулся к потолочной балке. — «Богомол». Профессиональный. С титановыми щупами. Вы бросили его наверху. Испугались шума шагов и полезли прятать. Самое глупое место — вентиляция. Самое очевидное для бывшего дилетанта вроде вас — пространство за подвесным потолком.

Мия встала. Прошла к стене, где висела картина Айвазовского — подлинник, способный покрыть стоимость украденных денег трижды. Она осторожно сняла полотно. За ним оказалась металлическая панель доступа к системе пожаротушения. Мия повернула рычаг. Панель отошла в сторону. Заглянув внутрь, она вытащила длинный кожаный пенал. Бросила его на стол перед Дэном. — Здесь не хватает трех тонких клиньев. Тех самых, что оставили борозды на сейфе. Экспертиза займет два часа. Ваша ДНК будет на ручках. Срок — от пяти до восьми лет строгого режима. Учитывая ваше состояние опьянения и сопротивление задержанию, дадут максимум. Будете учить Уголовный кодекс наизусть вместе с такими же мальчиками-мажорами.

Дэн побелел. Шпильки вылетели из его колес. Он начал тяжело дышать, хватая ртом воздух. — Я хочу сделку, — прохрипел он. — Сделку со следствием! Я дам показания! Это всё заказуха! Мне написал аноним! В телеграм! Сказал, что нужно просто открыть ящик, забрать сверток и положить его за картину в библиотеке! Обещал сто тысяч евро! — Заказчик оставил цифровой след? — Мия наклонилась вперед. — Нет! Новый аккаунт! Профиль пустой! Только текст: «Работа чистая, хозяин мешать не будет, иди в две тринадцать». — Две тринадцать, — повторила Мия. — Время отключения камер картой Артёма. Место — восточный коридор. Всё складывается. Кроме одного вопроса.

Она выпрямилась. Посмотрела на Артёма и Алису. Затем снова на Дэна. — Почему сейф открыли кодом?

Все уставились на нее. — О чем вы? — спросил Артём. — Дэн же взломал... — Дэн имитировал взлом, — отрезала Мия. — Полимерные клинья создают иллюзию силового воздействия. Но замок швейцарского Kessler V-12 невозможно вскрыть «Богомолом» за пять минут в домашних условиях. Нужны часы работы, акустический датчик и ювелирный слух. Дэн про-

возился бы там до утра, переполошив весь этаж вибрациями. Замок открывали штатным способом. Электронным ригелем. По коду.

Она перевела тяжелый взгляд на Олега. Организатора, который все это время стоял у окна, делая вид, что изучает пейзаж. — Олег, подойдите. Мужчина нехотя отделился от стены. — Я же прошел тест, — напомнил он. — Вы прошли тест на наличие химии на руках. Но химия не объясняет главного. Как узнали код? — Мия обошла стол, сокращая дистанцию. — Виктор Соколов педант. Он меняет пароль каждые сорок восемь часов. Записывает его на бумажке, сжигает бумажку и запоминает цифры моторикой. Никто, кроме него и старшего нотариуса, кода не знает. Артём был в туалете, блевая от стресса. Алиса была в коридоре. Дэн возился с замком снаружи. Вера драрила серебро в западном крыле.

Олег остановился. Его идеальное лицо впервые потеряло невозмутимость. Нижняя губа дрогнула. — Я не понимаю, о чем вы. — Понимаете, — голос Мии упал до шепота. — Потому что именно вы ввели эти цифры. Ровно в две двенадцать. Система контроля доступа фиксирует не только карты, но и Bluetooth-метки. Телефоны. Умные часы. В две двенадцать в радиусе метра от панели ввода сейфа находились двое. Хозяин дома... и ваши Apple Watch Series 9.

Олег дернулся, инстинктивно пряча руку с массивными хронографами за спину. — Это случайность! Сигнал мог отразиться от зеркала! Металлические поверхности искажают волны! — Зеркала в кабинете матовые, антибликовые. Специальная пленка для конфиденциальности. Отражать сигнал нечему. Вы вошли вслед за Виктором. Видели, как он набирает комбинацию. 1-9-8-9. Год падения Берлинской стены. Символично для человека, строящего империи. Вы дождались, пока он выйдет. Приложили карту Артёма к заглушке в коридоре, создавая себе окно невидимости. Открыли сейф. Взяли деньги. Положили туда пакет, который принесла Алиса. И вышли.

Олег опустил голову. Плечи его ссутулились. Маска профессионализма рассыпалась, обнажая загнанного зверя. — У меня дочь, — сказал он тихо. — Ей семь. У нее лейкоз. Четвертая стадия. Ремиссия кончилась месяц назад. Швейцарская клиника выставила счет. Девятьсот тысяч евро. Предоплата. Иначе они отключают аппаратуру. Я взял кредит под залог квартиры. Доллары выросли. Банк потребовал доплатить маржин-колл. Коллекторы угрожали жене. Мне нужны были деньги. Любой ценой. — Вы решили ограбить босова сына в день его свадьбы? — не выдержал Артём. — Да мой отец дал бы вам эти деньги просто так, если бы вы пришли и сказали! — Я просил! — крикнул Олег, поворачиваясь к нему. Лицо исказилось судорогой. — Я стоял на коленях в этом самом кабинете неделю назад! Я показал ему счета! Врачи прогнозы! А твой отец, Артём, посмотрел на меня своим рыбьим глазом и сказал: «Бизнес не терпит сентиментальности, Олег. Увольняйся. Продавай почки. Это твои проблемы». Он уволил меня на месте. Вычеркнул номер. Оставил мою семью подыхать.

Повисла тяжелая пауза. Мотивация организатора была самой понятной и самой жалкой. Отчаяние крысы, загнанной в угол. — Где деньги? — спросила Мия. — Какие? — устало отозвался Олег. — Тех десяти миллионов, что были в сейфе, никогда не существовало.

Артём и Алиса переглянулись. Дэн перестал хлюпать носом и уставился на Олега. — Что значит «не существовало»? — тупо спросил мажор. — То и значит, — Олег горько усмехнулся. — Виктор привез кейс. Показал его мне. Показал Алисе. Психологический прием, чтобы показать масштаб сделки. Но когда я открыл сейф настоящим кодом... там было пусто. Папка с макулатурой. Миллиардные контракты Газпрома, которые стоят дешевле бумаги, на которой напечатаны. Сейф был пуст, когда его открыл я. И он был пуст, когда его открыла невеста.

Мия почувствовала, как ледяной холод ползет по позвоночнику. Она стремительно развернулась к Алисе. — Вы сказали, что видели деньги на столе. Свёрток. Пачки. — Да! — воскликнула девушка. — Лежали прямо поверх папки! Я еще подумала, какие толстые пачки... — Свет, — оборвала её Мия. — Вспоминайте свет. Индикатор сейфа. Когда вы вошли, лампа на считывателе горела зеленым? Постоянно? — Ну... да, — неуверенно протянула Алиса. —

Хотя... постойте. Она мигала. Редко. Раз в несколько секунд. Желтым. Как будто сбой питания. — Зеленый — режим ожидания. Красный — тревога. Желтый мигающий — сессия удаленного доступа, — Мия схватила свой телефон. — Зимин! Ко мне! Бегом!

Она выбежала из билльярдной, расталкивая охрану. Остальные ошарашенно повалили следом. Они ворвались в серверную. Гудение стоек казалось теперь звуком работающих двигателей самолета, идущего на взлет. Мия прыгнула к терминалу. Пальцы забегали по клавиатуре с пулеметной скоростью. Вывела архив видеопотока. Не записи — живого потока с камер, установленных в коридорах. — Вот, — она вывела на главный монитор изображение восточного коридора. Время в углу экрана совпадало с текущим. По коридору шел дворецкий со стопкой крахмальных салфеток. Ничего необычного. Затем камера моргнула. Экран покрылся цифровой сеткой артефактов на долю секунды. — Кто-то подключился к матрице коммутации, — выдохнула Мия. — Наложили петлю.

Она переключила вывод на камеру внутри кабинета. Изображение было статичным. Застывший кадр: Виктор Соколов закрывает сейф. На часах камеры 14:29:55. Мия увеличила область стола. Там, поверх папки с документами, действительно лежал прямоугольный сверток. Идеально ровный. Слишком ровный. Она применила фильтр повышения резкости. Алгоритм обработки изображений выделил контуры. — Это бумага, — сказала она. — Обычная офисная бумага для принтера. Сложенная в идеальный кирпич. А сверху лежит одна настоящая банковская пачка. Для объема и веса. Настоящая ли она? Она приблизила номинал. Пять тысяч. Водяные знаки на месте. Но серийные номера... Мия запустила программу распознавания текста. Прогнала номера через базу данных ЦБ. *Сертификат недействителен. Купюра образца учебного пособия.*

— Театр кукол, — произнесла Мия, отстраняясь от монитора. — Самый дорогой спектакль в истории России.

Дверь серверной распахнулась. На пороге стоял Виктор Соколов. Безупречный, застегнутый на все пуговицы, источающий ярость такой плотности, что ею можно было резать стекло. — Что за балаган вы здесь устроили?! — пророкотал он. — Почему моя охрана смотрит видео вместо того, чтобы искать вора? Почему эти... личности... свободно ходят по дому? — Потому что вора нет, Виктор Андреевич, — спокойно ответила Мия, разворачиваясь к нему лицом. — Есть режиссер. И очень неплохой.

Соколов замер. Его взгляд впился в экран монитора, где застыло изображение его собственных рук, закрывающих пустой сейф. — Что за бред? — процедил он. — Я положил туда кейс. Своими руками. Десять миллионов. Новые упаковки. — Вы положили туда реквизит, — Мия указала на монитор. — Посмотрите на серийные номера. Это «деньги для кино», господин продюсер. Печать Госзнака, специальная бумага, водяные знаки. Потратить их нельзя даже в самом глухом ауле. Их себестоимость — двести рублей за пачку.

Виктор пошатнулся. Он оперся рукой о серверную стойку. Впервые за весь день этот гранитный человек выглядел растерянным. — Невозможно, — прошептал он. — Я проверял. Я пересчитывал банчи. Я сам завязывал ленты... — Вы развязывали ленты, — поправила Мия. — Чтобы положить сверху настоящие часы. Те самые, с сапфирами. Пока вы крутили коробку, отвлекаясь на подарок сыну, кто-то заменил содержимое. Профессиональная подмена фокусника. Требуется доли секунды и отвлечения внимания.

— Но кто? — прохрипел Соколов. — КОМУ ЭТО НАДО? Украсть фантики?! Десять миллионов игрушечных денег?! Да я в эту свадьбу вложил больше реальных средств! Это бессмысленно! Это оскорбление! — Это сообщение, — Мия погасила монитор. Темнота серверной вдруг показалась всем уютной. — Вам дали пощечину, Виктор Андреевич. Публичную.

Она прошла мимо застывшего хозяина дома к выходу. Толпа подозреваемых и охранников расступилась перед ней. — Деньги не пропадали, — объявила Мия, повышая голос, чтобы слышали все. — Их никогда не было в сейфе. Украдена не наличность. Украдено само событие.

Некто заставил самую влиятельную семью города устроить погоню за собственным хвостом в день величайшего триумфа.

Она остановилась посреди холла, под слепящим светом настоящей, не телевизионной люстры. — Пятеро теней, которых я вызвала на допрос, оказались жертвами одной и той же оптической иллюзии. Она начала загибать пальцы, методично разрушая судьбы: — Дэн — исполнитель-призрак. Ему заказали «открыть ящик». Он думал, что грабит банк, а оказался курьером пиццы. Он пойдет в тюрьму за попытку взлома, но он честен в своей глупости. — Алиса — заложница любви. Она принесла яд и готовность стать богатой вдовой, но пришла на пустую сцену. — Артём — сын, раздавленный авторитетом отца. Он травил себя ненавистью, пока вокруг разыгрывали фарс. — Олег — отчаявшийся отец. Единственный, кто реально вскрыл сейф. Он вошел, увидел пустоту, понял, что его переиграли, и в ужасе вернул всё на места, наложив цифровую петлю на камеры, чтобы скрыть факт своего присутствия. Он пытался защитить репутацию босса, понимая, что настоящий грабитель — это тот, кто смеется над ними всеми. — Вера? — Мия обвела взглядом холл. Горничной нигде не было. — Вера просто старая женщина, которая слишком долго работала в домах, где правят страх и ложь. Она знала, что происходит нечто странное. Она слышала шаги в вентиляции. Но молчала, потому что лояльность хозяину в нашей стране часто важнее справедливости.

Мия подошла к Виктору, который стоял, серый, как штукатурка. — Искать нужно не того, кто взял деньги, — сказала она ему в лицо. — Искать нужно того, кто их туда не положил. Человек, который имел доступ к кейсу до того, как вы спустились в кабинет. Тот, кто готовил «свадьбу на 10 миллионов».

Она сделала шаг назад. — Мой гонорар удваивается, Виктор Андреевич. Теперь это дело о промышленном шпионаже и психологическом терроризме. И советую вам проверить вашего нового поставщика цветов. Те белые орхидеи, что стоят в зале... у них очень интересные стебли. Полые внутри. Как раз для микросхем дистанционного управления взрывчаткой или реле отключения тока. Камеры вырубил железом, которое принесли легально, под видом декора.

Мия надела темные очки, скрывая усталость в глазах. День клонился к вечеру. Скоро должен был состояться первый танец. — А пока, — добавила она, направляясь к своему старенькому «Поло», ключи от которого звякнули в кармане, — наслаждайтесь праздником. Ведь фейерверк сегодня будет поистине феерическим. Рекомендую гостям не стоять у окон.

Она вышла под дождь. Внутри особняка нарастал гул. Начинался скандал эпических масштабов. Пять разбитых жизней, миллионы ненастоящих рублей и один гениальный план, имя автора которого осталось неизвестным.

Мия села в машину, включила печку на полную мощность и достала телефон. Набрала номер. — Борис Леонидович? — сказала она, когда на том конце ответили. — Это Вайс. Помните наш разговор полгода назад? Про уязвимость логистических цепочек компаний с госучастием... Кажется, я нашла парня, который способен украсть авианосец, просто поменяв таблички на доках. Будьте в моем офисе завтра в восемь. Нам предстоит очень интересный аудит.

Она завела двигатель. «Поло» чихнул сизым дымом и тронулся с места, растворяясь в потоках вечернего города, оставив позади особняк, наполненный запахом гниющих орхидей и холодного, расчетливого безумия.

Глава 3. Женские маски

Офис Мии располагался на последнем этаже дореволюционного доходного дома в Замоскворечье. Лифт ходил сюда через раз, предпочитая застревать между четвертым и пятым этажами, поэтому клиенты — а точнее, заказчики — были вынуждены пешком преодолевать семьдесят две стертые мраморные ступени. Это был первый фильтр отсева: люди с миллиардными состояниями редко любили физические нагрузки без предварительной записи к кардиологу.

Борис Леонидович Кац, управляющий частным капиталом семьи Соколовых, прошел этот путь за четыре минуты сорок секунд. Когда дубовая дверь кабинета распахнулась перед ним, он тяжело опирался на трость из черного дерева, хотя его ноги были абсолютно здоровы. Трость была частью образа — символом старой школы, надежности и легкой немощности, которая усыпляет бдительность молодых хищников.

— Мария Андреевна, — выдохнул он, падая в глубокое кожаное кресло напротив стола Мии. — У меня предынфарктное состояние. Виктор рвет и мечет. Он требует найти того, кто подменил деньги, до начала церемонии. Иначе он грозит отменить свадьбу, аннулировать брачный контракт Алисы и вышвырнуть ее семью обратно в ту дыру, откуда они выползли. А если свадьба сорвется, неустойка по аренде Версальского зала составит еще два миллиона евро. Мы потеряем лицо перед всем истеблишментом.

Мия стояла у окна, глядя на осенний дождь, поливающий купола храма Святой Софии на набережной. На ней больше не было серого офисного костюма. Сегодня она выбрала образ «Невидимки». Мягкий кашемировый свитер цвета топленого молока, свободные брюки, волосы собраны в небрежный узел на затылке. Никакой косметики. Очки в тонкой оправе спущены на кончик носа. Она выглядела как аспирантка филологического факультета, случайно забредшая в кабинет банкира. Слабая, близорукая, погруженная в свои мысли.

— Лицо вы уже потеряли вчера вечером, Борис Леонидович, — спокойно ответила она, не оборачиваясь. — Когда выяснилось, что десять миллионов рублей оказались резаной бумагой для киносъемок. Вопрос теперь не в том, кто украл фантики. Вопрос в том, кто контролировал цепочку поставок этих фантиков от типографии Госзнака до сейфа Виктора.

Кац нервно забарабанил пальцами по набалдашнику трости. — Логистика курировалась Олегом Рюминым. Его контора «Эвент-Кристалл» работала с нами пять лет. Идеальный послужной список. Ни одного сбоя. Декорации, кейтеринг, охрана... — Охрана тоже была подрядчиком? — перебила Мия. — Физическая — нет. Зимин — это личная гвардия Виктора, бывшие сотрудники Девятого управления. Но системы безопасности здания, интеграция камер, датчики движения... да, это отдавали на субподряд. Какая-то молодая IT-фирма. Инновационные решения, умный дом, все дела. Я подписывал счета, даже не глядя. Доверял Олегу.

Мия наконец повернулась. Ее взгляд изменился. Близорукость исчезла, сменившись холодным рентгеновским излучением. — Вы доверяли человеку, чья дочь умирает от лейкоза, потому что он улыбался вам пятнадцать лет. И вы доверяли логистику теневых наличных фирме-однодневке, потому что так было проще бухгалтерии. В этом ваша ошибка, Борис. Вы управляете деньгами, но совершенно не понимаете людей.

Она обошла стол и села в свое рабочее кресло. Достала из ящика тонкую папку-скоросшиватель. Положила перед собой. — Вчера мы работали грубой силой. Пять допросов, химический анализ, давление. Мы нашли исполнителей призраков. Теперь нам нужен мозг. Кукловод. Тот, кто знал график Виктора, код сейфа, маршрут инкассаторов и слабости каждого из пятерых. — Думаете, это женщина? — осторожно спросил Кац. — Я думаю, это шахматист, — Мия открыла папку. Внутри лежали распечатки банковских выписок, скриншоты переписок и фотографии. — Человек, который мыслит категориями образов. Вчера я пыталась поймать

правду фактами. Факты лгут, когда их правильно расставить. Сегодня я буду ловить кукловода эмоциями. Люди видят то, что ожидают увидеть. Если к запертому человеку прийти со слезами — он даст носовой платок. Если войти с плеткой — он выставит щит. Я подготовила шесть разных входов. Шесть личин. Нам нужно лишь подождать, какая дверь откроется сама.

Маска первая: Невинность. Цель — Вера Холодная.

Вера жила в панельной пятиэтажке на окраине Бирюлева. Район, где время остановилось где-то в девяносто восьмом году. Обшарпанный подъезд, запах жареной картошки с луком из-за каждой двери, тусклые лампочки.

Мия приехала сюда к десяти утра. Перед выходом из машины она провела двадцать минут в тишине салона, работая над лицом. Тонер, увлажняющий крем, легкий флюид. Затем — тончайший слой консилера. Никаких стрелок, никакой помады. Только гигиеническая бесцветная помада. Волосы расчесаны на прямой пробор, стянуты в тугий, строгий пучок. Одежда — темно-синий драповый плащ советского кроя, стоптанные туфли на низком каблуке и дерматиновая сумка образца «советская учительница».

Она переступила порог квартиры Веры ровно в одиннадцать ноль-ноль. Позвонила дважды, коротко. Так звонят представители власти или врачи. Дверь приоткрылась на длину массивной латунной цепочки. В щели показалось лицо горничной. Без форменного платка и шали она казалась меньше, старше и гораздо опаснее. Глаза старухи смотрели оценивающе, лишив ее всей привычной подобострастности. — Чего надо? — голос Веры был лишен всякого дребезжания. Звучал низко, с хрипотцой много курящего человека. — Вера Ильинична, — Мия сделала робкий шаг назад, сутуля плечи. — Меня зовут Елена. Я из фонда социальной поддержки ветеранов клинингового сервиса. Вот, принесли вам продуктовый набор. К празднику.

Она протянула вперед бумажный пакет из дешевого супермаркета. Внутри действительно лежали пачка гречки, банка тушенки и батон хлеба. Приманка для нищих. Цепочка лязгнула. Дверь открылась шире. — Заходи, — буркнула Вера. — Ноги вытирай. Коврик чистый.

Квартира оказалась поразительно чистой. Стерильной. Минимум мебели, всё покрыто пожелтевшими салфетками с вышивкой. Ни одной лишней вещи. Взгляд профессионала, привыкшего замечать детали, сразу оценил отсутствие пыли. Вера поддерживала здесь армейский порядок.

Мия прошла на кухню. Поставила пакет на клеенчатую скатерть. Села на табурет, сложив руки на коленях. Образ забитой жизнью женщины давался ей легко — она просто вспоминала лица своих бывших одноклассниц, которые вышли замуж за алкоголиков и теперь считали копейки до зарплаты. — Спасибо, деточка, — Вера достала из пакета хлеб. Понюхала. — Свежий. Сама печешь? — Нет, покупаю, — тихо ответила Мия. — У меня мама болеет. Рак. Третий год боремся. Деньги уходят на лекарства, вот, приходится подрабатывать курьером в таких фондах. Не ради денег, ради доброго слова. Чтобы людям хоть немного легче стало.

Она пустила в ход «Образ номер три»: Жертвенность. Самый липкий, самый эффективный клей для установления доверия у одиноких пожилых людей. Вера замерла с ножом в руке. Она собиралась резать хлеб, но рука дрогнула. Она смотрела на Мию поверх очков половинками глаз, и во взгляде впервые промелькнуло нечто похожее на сочувствие. — Рак — это тяжело, — произнесла она. — Химия душу выжигает. Мать одна? — Одна. Отец ушел, когда узнал диагноз. Сказал, что не готов быть сиделкой. Мужчины... они слабые.

Мия позволила себе горькую усмешку. Она говорила о своем отце, профессоре математики, который бросил их с матерью, когда Мие было двенадцать. Боль была настоящей, просто направлена она была сейчас на вскрытие защиты Веры. — Ты ешь, ешь, — Вера подвинула к ней тарелку с засохшим печеньем. — Рассказывай про работу свою. Много видишь, поди? Богатые-то, они жуть какие бывают. Пакостливые. — Бывают, — согласилась Мия, делая глоток чая. — Но Соколовы... там другое. Там страх. Вы же давно у них работаете? Лет тридцать?

— Тридцать два, — кивнула Вера, подвигаясь ближе. Разговор перешел в ее епархию. — Еще Витю маленьким помню. Хороший был мальчик. Пока отец его не сломал. Железной рукой воспитывал. — Я вчера видела вашего начальника, — Мия понизила голос до шепота. — Он страшный человек, Вера Ильинична. Когда он орал на Олега, этого бедного организатора... у него глаза были белые. Я слышала, у Артура, сына его, проблемы с наркотиками раньше были? Вера нахмурилась. Отрезала кусок хлеба, густо намазала маслом. — Не было у Артема проблем, — отрезала она. — Это всё бабьи сплетни. Мальчик золотой. Умный, тихий. Просто отца боится до колик. Как увидит его — весь белый становится. Живот у него схватило вчера сильно. Еле до туалета добежал. Весь потный вышел.

Деталь зафиксирована. Мия мысленно поставила галочку. *Туалет рядом с кабинетом. Место, где можно остаться одному на пять минут.* — А девочка эта... Алиса, — продолжила Мия, наблюдая, как двигаются челюсти старухи. — Красивая. Но несчастная. Ходит, как тень. — Потому что знает, куда попала, — Вера отложила нож. — Максим, брат ее... хороший парень был. Гордый. Не хотел подачек. Сам зарабатывал. Стены эти... он по ним бегал, как кошка. Говорил: «Теть Вер, свобода — это когда ты выше всех крыш». Разбился он. Не сам прыгал. Его загнали. Те, кто сверху сидит, всегда тех, кто лезет, сталкивают.

Старуха замолчала. Уставилась в одну точку. В кухне повисла тяжелая тишина. Мия поняла, что нажала на спусковой крючок. Вера только что призналась в ненависти к системе. Но убила ли она её? Помогала ли краже? — Вера Ильинична, — очень мягко сказала Мия. — Вчера, пока все бегали, кричали... вы ведь поднимались на третий этаж? Около трех часов. Я видела след вашей тележки возле библиотеки. Колея свежая, линолеум влажный. Зачем вы туда пошли? Там же закрытая зона подготовки.

Лицо Веры окаменело. Маска жалкой старушки слетела мгновенно. Перед Мией сидела тюремная надзирательница. — Полы мыть пошла, — глухо сказала она. — График сместился. — В библиотеке полы паркетные, сухой уборки. Шваброй там делать нечего. Что вы искали за стеллажами? Ту самую деталь, которую передал вам курьер? Ту, что потом вставили в гирлянду орхидей?

Вера медленно поднялась. Ростом она оказалась почти вровень с сидящей Мией. — Девонька, — прошипела она. — Ты играешь не в своей лиге. Шелковые платья надела, думаешь, королева? А гниль-то внутри та же. Проваливай. Продуктовую помощь свою засунь себе знаешь куда. Мамаше своей привет передавай. Авось, рак быстрее сожрет.

Она подошла к двери и широко распахнула ее. Мия встала. Поправила воротник плаща. Образ побитой жизнью мыши снова занял свое место. — Прощайте, Вера Ильинична. Жаль. Я думала, вы поймете. Матери больны везде. И богатые, и бедные. Одинаково умирают.

Когда за Мией закрылась железная дверь подъезда, она прислонилась к холодной стене в подъезде, переводя дыхание. Вера знала больше, чем сказала. Она покрывала кого-то. Но испугалась она не вопроса о прошлом, а вопроса о деталях монтажа декораций. Старуха была часовым, но не стрелком.

Маска вторая: Напористость и интеллект. Цель — Денис Коротич (Дэн).

Из Бутырского СИЗО пахло хлоркой, отчаянием и несбывшимися надеждами. Дениса взяли рано утром прямо в постели его съемной квартиры-студии в Сити. Наручники, пресс-хата, переключки. К вечеру вчерашний король жизни превратился в серый комок грязного тряпья в комнате для свиданий.

Мия вошла без предупреждения. Она изменила походку. Теперь она шла так, как ходят прокурорские — чеканя шаг, расправив плечи. На ней был мундир старшего лейтенанта юстиции — идеально подогнанный по фигуре, с жестким стоячим воротником. Волосы туго зачесаны назад, залиты лаком. Губы сжаты в бескровную линию.

Дэн поднял голову. При виде формы его аристократическое лицо пошло красными пятнами. — Это незаконно! — взвизгнул он, вскакивая со скамьи. — Где мой адвокат?! Я требую звонка отцу! Да вы знаете, с кем связались?! — Сядь, — приказала Мия, бросая на стол перед собой тонкую пластиковую папку. Звук получился сухим и властным. — Адвокат будет завтра. После того, как тебя переведут в общую камеру. Знаешь, что такое общая камера, Коротич? Это сто квадратных метров, сорок туберкулезников, пара насильников и ведро-параша в углу. Твой папа вытащит тебя оттуда года через полтора. Если к тому времени ректальная область сохранит свою анатомическую целостность.

Дэн рухнул на скамью. Он смотрел на Мию глазами затравленного зверя. Вся его бравада вытекла вместе с содержимым мочевого пузыря, судя по характерному запаху, поползшему по комнате. — Я ничего не делал! Мне написали! — Мне плевать, что тебе написали, — Мия расстегнула верхнюю пуговицу мундира. Не для соблазнения — для демонстрации отсутствия бронежилета. Она пришла убивать морально. — Я смотрю протокол осмотра твоей квартиры. Набор отмычек «Богомол-5», титановые клинья, полимерные щупы. Стоимость набора — полторы тысячи долларов. Ты купил его месяц назад. По своей банковской карте, идиот.

Она наклонилась через стол. Ее глаза превратились в два черных сверла. — Кто научил тебя им пользоваться? Три недели назад ты провалил простейшее задание — открыть замок третьего класса. Заказчик вернул тебе половину аванса и пригрозил переломать пальцы. Ты плакал тогда, Дэн? Звонил папочке? Кто твой наставник? Имя. Быстро. — Я... я учился по видео! На YouTube! Канал «Медвежатник-Самоучка»! — выпалил он первое, что пришло в голову.

Мия ударила ладонью по столу. Папка подпрыгнула. — Не зли меня, мальчик. Я восемь лет отработала в отделе по борьбе с киберпреступностью. Я знаю каждый байт трафика твоего роутера. Ты не смотрел YouTube. Ты проходил очный инструктаж. Двадцать седьмого сентября. Автосервис на Варшавском шоссе. Подвал. Мастер — бывший медвежатник по кличке «Гном». Он взял с тебя пять тысяч евро за урок открывания Kessler V-12.

Дэн позеленел. Информация была точной. Мия блефовала насчет кибератаки, но угадала локацию — такие уроки стоят дорого и проводятся именно в гаражных кооперативах юга Москвы. — Он сказал... он сказал, что работа чистая, — пролепетал мажор. — Что хозяин мешать не будет. Что система охраны отключена изнутри. — Кем? — Мия нависла над ним. — Я не знаю! Я должен был подойти к восточной стене библиотеки. Нажать кнопку на пульте. Камеры зависнут на минуту. Сейф будет открыт. Я забираю пакет. Кладу его за картину Айвазовского. Всё! Я даже внутрь кабинета не заходил! Я стоял в коридоре!

Мия выпрямилась. Медленно обошла стол. Дэн вжался спиной в кафельную стену. Она сняла фуражку. Резким движением вынула из волос шпильки. Темные локоны рассыпались по плечам. Она сменила маску. Из прокурора-палача она превратилась в уставшую женщину-полицейского.

Она села на край стола прямо перед Дэном. Закинула ногу на ногу. Юбка мундира задралась достаточно высоко, чтобы обнажить полоску бедра. Запахло дорогим парфюмом и дешевым сигаретным дымом камеры. — Послушай меня внимательно, Денис, — голос стал бархатным, глубоким, вибрирующим. — Я могу сделать так, что ты выйдешь отсюда сегодня вечером. Дело закроют за отсутствием состава преступления. Кражи не было — деньги оказались бутылкой. Взлома не было — сейф открыли кодом, а твои царапины на дверце назовут производственным дефектом замка.

Глаза Дэна загорелись безумной надеждой. — Правда? — прошептал он. — Правда, — Мия наклонилась совсем близко. Ее губы почти касались его уха. — Но мне нужна услуга. Настоящий вор играет в тени. Он оставил тебя подсадной уткой. Он смеется над тобой. Над твоим отцом. Над всеми нами. Назови мне любую деталь, которая показалась тебе странной. Цвет лака на ногтях заказчика. Запах одеколона. Акцент. Время суток. Что угодно.

Она положила руку ему на колено. Легкое, интимное прикосновение. Образ «Сестры-спасительницы», способной на компромисс. Женщины, которая нарушит закон ради справедливости. Дэн дернулся. Его кадык судорожно дернулся вверх-вниз. Он был напуган, возбужден перспективой свободы и раздавлен авторитетом. Коктейль гормонов сделал его болтливым. — Орхидеи, — выпалил он. — Белые орхидеи. Они стояли в вазе в коридоре. Когда я ждал сигнала, одна из них... она повернулась ко мне. Буквально. Лепесток щелкнул. Механически. Как диафрагма фотоаппарата. И мигнул красный огонек. Очень маленький. Внутри цветка.

Мия замерла. Кровь отхлинула от ее лица. Механический цветок. Джаммер-глушилка, который нашел Зимин, имел форму кубика. Но профессиональные устройства маскировки могут иметь любой корпус. — Ты трогал эту орхидею? — стараясь сохранять спокойствие, спросила она. — Нет! Богом клянусь! Я чуть не обделался. Сразу пришел сигнал на пульт. Я схватил пакет и побежал.

Мия резко отстранилась. Натянула фуражку обратно на голову. Шпильки щелкнули, впиваясь в узел волос. Образ чувственности исчез. Вернулся ледяной терминатор. — В камеру его, — бросила она охраннику за зеркальным окном. — В одиночную. И приставьте наружку к автосервису на Варшавке. Всех, кто входил туда за последний месяц, под микроскоп.

Выходя из СИЗО под моросящий дождь, Мия достала телефон. Пальцы дрожали. Не от холода. «Орхидеи привезли от поставщика "Флора-Элит"», — напечатала она Кацу. — «Проверьте учредителей. Кажется, наш кукловод любит ботанику и высокие технологии».

Маска третья: Влюбленность и уязвимость. Цель — Артём Соколов.

Артёма она нашла в сигарной комнате отцовского клуба на Патриарших. Сюда не пускали никого, кроме членов правления. Воздух плавился от запаха кубинского табака и дорогой кожи. Артём сидел в глубоком кресле, одетый в халат поверх брюк. Выглядел он ужасно: щетина, красные глаза, дрожащие руки. Рядом на столике стоял стакан с коричневой жидкостью. Односолодовый виски. Льда не было — верный признак глубочайшей депрессии.

Мия вошла без стука. На ней было простое бежевое платье-футляр, подчеркивающее фигуру, но не вызывающее. Макияж минимальный, естественный. Прическа слегка растрепана, словно она долго ехала в машине с открытым окном. Образ «Заблудившаяся коллега», ищущая утешения.

— Артём? — неуверенно позвала она. Он поднял голову. Узнал не сразу. Потом в глазах мелькнул испуг. — Вы... детектив. Что вы тут делаете? Это частный клуб. — Дверь была открыта, — соврала она, подходя ближе. — Ваш отец выгнал меня. Сказал, что я самозванка. Что никакого взлома не было, а я пытаюсь вымогать деньги, инсценируя кражу. Он аннулировал мой гонорар.

Мия подошла к бару. Сама, без спроса, взяла тяжелый хрустальный стакан. Налила на два пальца виски. Руки ее слегка дрожали. Образ «Профессионал на грани увольнения». Люди любят чувствовать себя сильнее другого эксперта. — Выпейте со мной, — предложила она, садясь в соседнее кресло. — У меня ощущение, что мир сошел с ума. Десять миллионов игрушечных денег. Организатор, сливающий данные из-за больной дочери. Невеста с цианидом в ухе. Мой аналитический аппарат перегружен. Мир иррационален.

Артём смотрел на нее во все глаза. Впервые за сутки на его лице появилось подобие эмоции, не связанной со страхом перед отцом. Любопытство. — Вы правда думаете, что это иррационально? — спросил он, принимая стакан. Их пальцы соприкоснулись. Искры не возникло, но контакт состоялся. — Для моего отца это верх логики. Тест. Проверка. Он всю жизнь считал, что окружен врагами. Похоже, он прав. — Он ошибается, — Мия сделала глоток. Алкоголь обжег горло, помогая поддерживать образ уставшей, подавленной женщины. — Главный враг системы тот, кто ее создал. Расскажите мне про Алису.

Вопрос прозвучал мягко, терапевтически. — А что про нее рассказывать? — Артём пожал плечами, отводя взгляд. — Она хорошая. Испуганная. Любит животных. Хочет открыть приют. Но она... она слишком простая для этого дома. Она смотрит на люстру в гостиной и думает о том, сколько детей можно было бы вылечить на эти деньги. Моя семья считает это дурновкусием. А я... я завидую ей. Я никогда не мог позволить себе такую роскошь — думать о детях, когда речь идет о миллиардах.

Он говорил искренне. Раскрывался. Мия использовала технику «активного зеркала» — подстраивала дыхание, кивала, смотрела на него с материнской нежностью. — Вас заставляют подписать контракт, — утвердительно сказала она. — Да, — Артём залпом допил виски. — Пункт о неразглашении схем ухода от налогов. Если я женюсь на ней и подпишу, я становлюсь соучастником. Если откажусь — он лишает меня наследства и пускает мать по миру. Она живет в Швейцарии, лечится от депрессии. Платить клинику некому. Я в капкане. — Капканы иногда лучше сжигать, чем пытаться разжать руками, — прошептала Мия. Она придвинулась ближе. Колено коснулось его колена. — Иногда единственный способ победить отца — это уничтожить саму суть его подарка.

Она посмотрела ему в глаза. Взгляд «Признание». Момент абсолютной интимности. — Эти деньги, Артём... они ведь предназначались не для выплаты бандитам-подрядчикам. Тендер на мост — это ширма. Куда должен был ехать ваш отец сегодня ночью после свадьбы? С этим кейсом?

Артём вздрогнул. Его зрачки расширились. Алкоголь снял внутренние тормоза. — Откуда вы... — прохрипел он. — Вы знали? Мама позвонила мне час назад. Сказала, что к ней пришли люди. Сказали, что если Виктор не доставит груз в тайник на Котельнической набережной к полуночи, ее лечение прекратят. Шантажисты. Они знают всё. Каждый его шаг. Каждую таблетку, которую она принимает.

Бинго. Мия почувствовала охотничий азарт. — Поэтому он заменил деньги на бумагу, — догадалась она вслух. — Он понял, что его пасут. Решил отдать куклу, чтобы спасти жену. Но шантажисты узнали подмену. И решили устроить публичную порку. Показать ему, что они умнее. — Кто они? — Артём вцепился в рукав ее платья. — Господи, если с мамой что-то случится, я его убью. Клянусь. — Тише, — Мия накрыла его руку своей. Погладила. Успокаивающий, интимный жест. Образ «Союзника». — Мы найдем их. Но мне нужно знать последнее. Код сейфа. 1-9-8-9. Почему он выбрал его? Это дата падения стены. Но для инженера-строителя, каким является ваш отец, есть другая единица девять восемь девять. СНиП. Строительные нормы и правила. Редакция тысяча девятьсот восемьдесят девятого года. О фундаментных работах в условиях вечной мерзлоты. Он заложил в код профессиональную травму. Свой первый великий объект.

Артём смотрел на нее с суеверным ужасом. — Вы пугаете меня, — прошептал он. — Вы видите людей насквозь, как стекло. — Я просто внимательна, — она легонько сжала его руку. — Идите к невесте, Артём. Забудьте про контракт. Забудьте про фонд матери. Ваша война начнется не с подписи, а с понимания того, что ваш отец — такой же заложник, как и вы. Только его клетка золотая и побольше.

Она встала. Поправила платье. Образ влюбленной, сочувствующей помощницы сменился деловой отстраненностью. — Мой счет за консультацию придет вам на почту. Оплатите его наличными. Так, чтобы отец не увидел.

Выходя из клуба, Мия позволила себе на секунду прислониться к холодной кирпичной стене переулка. Сердце билось ровно. Образ работал. Артём отдал ей главное: цель шантажистов. Котельническая набережная. Высотка. Самое охраняемое гнездо советской номенклатуры.

Маска четвертая: Скромность и профессионализм. Цель — Олег Рюмин.

Олега она вызвала в свой офис. Никакого давления полиции, никаких наручников. Официальное письмо на бланке агентства: «Уточнение деталей сметы по статье "Аренда звукового оборудования"».

Олег приехал вовремя. Побритый, переодетый в свежий костюм, но круги под глазами выдавали ночь без сна. Он вошел в кабинет, ожидая скандала, готовый защищаться. Мия встретила его сидя. Свет падал так, что ее лицо оставалось в легкой тени. На столе — ноутбук, калькулятор, кипа чертежей. — Присаживайтесь, Олег, — сухо сказала она. Голос был голосом бухгалтера, обнаружившего недостачу в кассе. — У нас расхождение в цифрах. Семнадцать тысяч четыреста рублей. По накладным на кабель категории семь. Вы закупили двести метров, а проложили триста. Где еще сто?

Это был абсурд. Сумма ничтожна. Но Олег, находящийся на грани нервного срыва из-за дочери и страха перед Соколовым, воспринял это как начало конца. — Я... я наверстывал сроки, — начал он оправдываться. — Пришлось вести обходную ветку вдоль бассейна, основная трасса протекла... — Протокол прокладки кабеля не предусматривает импровизаций, — Мия постучала ручкой по бумаге. — Особенно когда речь идет о кабеле, по которому передается шифрованный трафик систем видеонаблюдения. Сто метров лишнего провода ведут прямо в вентиляцию гаража. Ту самую, куда выходит дымоход из кабинета.

Олег мертвенно побледнел. Он сел. Ноги его не держали. — Я не воровал ваши деньги, Олег, — тон Мии смягчился на долю градуса. Перешел в режим «Строгий, но справедливый начальник». — Я знаю, что вы чистили сейф. Я знаю, что вы наложили петлю на камеры. Вы пытались скрыть свой визит, потому что поняли: вас обыграли. Вы профессионал, Олег. Лучший в городе. И вас развели, как первокурсника.

Она вывела на экран монитора схему электропитания особняка. — Дзинь-дзинь, — сказала она ласково. — Кто-то подключился к вашему серверу резервного питания в час дня. Через порт USB-C, который вы сами вывели наружу для удобства диагностики. Помните мастера, который обновлял прошивку кондиционеров? Маленький такой, юркий, с рюкзаком «Найк»? — Был такой, — кивнул Олег, машинально отвечая на профессиональный вопрос. — Из фирмы «Климат-Профи». Дал удостоверение... — Удостоверение было фальшивым, — Мия увеличила фотографию с наружной камеры. Качество было плохим, лицо скрыто козырьком кепки. — Но ботинки настоящие. Итальянские мокасины ручной работы. Сорок шестого размера. С уникальной царапиной на левом носке. Такие делают только в одной мастерской в Милане. Заказ оформлен на имя гражданина Израиля Давида Шапиро. Который прилетел в Шереметьево рейсом из Цюриха вчера утром. И улетел в Тель-Авив через два часа после срабатывания сигнализации в кабинете.

Олег схватился за голову. — Боже... какой же я идиот. Я видел его. Видел в технической зоне. Думал, новый электрик от Зимина. Он попросил у меня отвертку. Я дал. — В отвертке была микрокамера, направленная на вашу клавиатуру, — закончила Мия. — Она записала ввод кода. 1-9-8-9. Наш кукловод получил ключ от королевства чужими руками. Вашими и Дэна.

Она встала. Прошла к кофемашине. Нажала кнопку. Звук помола зерен заполнил тишину. Образ «Заботливой хозяйки офиса». — Сахар? Сливки? — Черный, — хрипло отозвался Олег. — Ваша дочь, Соня, — Мия вернулась с двумя чашками, ставя одну перед ним. — Ей нужны швейцарские препараты «Гливек» нового поколения. Курс стоит девяносто тысяч франков. Государство дает квоту на старые дженерики, от которых у детей отказывает печень. Я права?

Олег посмотрел на нее снизу вверх. В глазах плескалось отчаяние. — Откуда вы всё знаете? — Я читаю медицинскую статистику отказов Минздрава, — пожала плечами Мия. — И я умею считать чужие долги. Вы должны банку восемнадцать миллионов. Заложили всё.

Вы идеальный кандидат на роль вора. Все улики указывают на вас. Карта доступа в коридор. Знание пароля. Следы в вентиляции.

Она наклонилась над столом. Снова смена маски. Теперь это была «Соблазнительница сделкой». Тихий, заговорщицкий шепот. — Но я не дам хода рапорту. Более того, я хочу предложить вам работу. Настоящую. Кукловод использовал вас, Олег. Он знал вашу слабость. Он толкнул вас на преступление, которого вы не совершали — на кражу. Но он забыл, что отчаявшийся инженер — лучший в мире специалист по поиску дыр в системах. Найдите мне этого человека. Докажите, что вы умнее его. Спасите свою репутацию, спасите работу у Соколова... и получите премию, которой хватит на оплату клиники в Швейцарии. Полную сумму. Прямо на счет госпиталя, минуя любые налоги.

Олег дрожащими руками взял чашку. Кофе расплескался на блюде. — Что я должен делать? — Для начала — вспомнить всё, — Мия села в свое кресло, возвращаясь в образ «Железной леди аналитики». — Вспомнить каждую мелочь. Начиная с того дня, когда вы уволили старого сисадмина полгода назад. Того самого парня, который просил прибавку на обучение ребенка.

Вечером Мия сидела в своем офисе одна. Город зажигал огни за панорамным окном. На огромном мониторе во всю стену светилась схема. Паутина связей. Фотографии шести человек в центре. Виктор. Артём. Алиса. Дэн. Олег. Вера. От каждого тянулись линии к центру. Мотивы, страхи, действия.

Она сняла очки. Потерла переносицу. День масок подошел к концу. Она играла роли. Манипулировала. Вынуждала людей открывать свои самые темные углы. Она использовала секс, страх, жалость, власть и дружбу. И результат был нулевым.

Все шестеро говорили правду. Каждый из них был виновен в чем-то своем. Дэн пытался взломать. Олег скрывал проникновение. Вера шпионила. Артём страдал. Алиса планировала убийство. Но никто из них не был Архитектором. Никто не подставлял Олега под камеру. Никто не подкладывал Дэну инструкции. Никто не посылал курьера с глушителем в цветке.

Мия открыла нижний ящик стола. Достала початую бутылку Lagavulin 16 лет и граненый стакан. Налила щедро. Сделала глоток. Торфяной вкус дыма и йода обжег пищевод.

Она подошла к монитору. Увеличила центральный узел схемы. Там, среди фотографий живых, находилась седьмая фотография. Черно-белая. Мужчина лет пятидесяти. Спокойное лицо, внимательные глаза, седые виски. Михаил Вайс. Ее муж. Погибший три года назад при пожаре в дата-центре компании «ЦифроМир». Той самой компании, которая обслуживала банковские транзакции Виктора Соколова.

Следствие назвало причиной короткое замыкание. Михаил остался заблокированным в серверной, когда автоматика опустила противопожарные бронеставни.

Мия смотрела на лицо мужа. Орхидеи с механическими лепестками. Код 1989. Атака на систему жизнеобеспечения (клиника жены Каца/матери Артёма). Использование старых сотрудников (увольнение админа). Архитектор знал привычки Соколова. Знал психологию его жертв. Знал расписание свадебного распорядителя.

Она открыла базу данных страховых выплат. Полис Михаила Вайса. Выплачен полностью. Получатель — Мария Андреевна Вайс. Сумма достаточная, чтобы купить этот офис и жить безбедно до конца дней.

Мия улыбнулась. Горько, одними уголками губ. Она искала врага снаружи. Играла в мужские игры интриг и силы. Примеряла маски коварства. А маска, которую она должна была примерить, была всего одна. Маска вдовы, которая слишком хорошо усвоила уроки своего покойного мужа.

Она взяла телефон. Открыла мессенджер. Создала новый чат. Единственное имя в контактах. «Я знаю, что это ты, — написала она. — Котельническая набережная. Тайник в квар-

тире профессора Преображенского на десятом этаже. Правая балка балкона. Ты думал, я не проверю любимые места папы? Свадьба — отличная приманка. Бутафорские деньги — изящный ход. Но ты совершил ошибку. Ты заставил меня использовать мои лучшие маски. И вспомнила главную. Жена. До встречи в полночь. Не опаздывай. Я приготовила настоящий виски».

Отправив сообщение, Мия допила скотч одним долгим глотком. Шесть подозреваемых были лишь фигурами на доске. Настоящая игра начиналась только сейчас. Против единственного игрока, который знал ее лучше, чем она сама.

Глава 4. Жених с дырой в кармане

Ночь опустилась на Москву тяжелым, влажным одеялом. Дождь, начавшийся еще днем, превратился в ледяную взвесь, которая оседала на стеклах и коже, пробираясь под одежду холодными пальцами. Мия не любила такую погоду — она делала город серым, плоским и лишенным теней, а тени были ее главным рабочим инструментом.

Она сменила образ. Отказавшись от офисной брони и психологических масок вдовы-аналитика, она выбрала нечто среднее между богемной студенткой и уставшей интеллектуальной элитой. Черная кожаная куртка-косуха, потертая на швах, черная водолазка из тонкой шерсти, подчеркивающая линию ключиц, и узкие брюки, заправленные в высокие ботинки на шнуровке. Никакого макияжа, кроме темной помады оттенка сухого красного вина. Волосы распущены и лежат небрежной волной. В этом образе не было агрессии, но была готовность к нарушению правил. Образ «Свой парень», способный выпить пива в прокуренном баре и обсудить квантовую физику.

Котельническая набережная встретила ее слепящим светом фар редких машин, отражающимся в мокром граните. Высотка возвышалась над рекой, как готический собор индустриальной эпохи. Монументальная, пугающая в своем величии.

Мия вошла через главный подъезд. Старенький, но все еще бдительный консьерж в униформе смерил ее взглядом с головы до ног. Куртка-косуха здесь выглядела как красная тряпка для быка. — К кому? — проскрипел он, перекатывая во рту вставную челюсть. — К Соколову. Артёму Викторовичу. Он ждет, — соврала Мия, глядя старику прямо в переносицу. Тяжелый, немигающий взгляд заставил консьержа моргнуть первым. Он дернул кадыком и нажал кнопку селектора. — Тут к Артему... девушка. Одета по-современному. Пускать? Тишина в динамике длилась три секунды. Для старого человека это вечность. — Пропусти, — раздался наконец голос Артёма. Хриплый, безжизненный, словно говорящий только что проснувшись после долгого плача.

Лифт поднимался медленно, со скрипом переваривая стальные тросы. На десятом этаже двери разошлись с мелодичным звоном, который в этой тишине прозвучал как удар колокола. Дверь квартиры была приоткрыта. В щели горел тусклый свет торшера. Коридор тонул в полумраке, пахло озоном (работал очиститель воздуха) и чем-то сладковато-тошнотворным — запахом дорогого алкоголя, выпитого в одиночестве литрами.

Артём стоял посреди гостиной, прислонившись плечом к книжному шкафу. Рубашка растегнута до середины груди, рукава закатаны. Галстук валялся на полу, похожий на раздавленную змею. Бутылка Lagavulin стояла на антикварном столике рядом с ним, початая больше чем наполовину. Он даже не переоделся в домашнее — так и остался в смокинге, лишь сбросив лаковые туфли. Весь его вид кричал о капитуляции. — Детектив Вайс, — констатировал он вместо приветствия. Слова давались ему с трудом. — Решили сменить тактику? Вместо допросов перешли к домашним визитам? Отец знает, что вы здесь? — Ваш отец сейчас слишком занят подсчетом убытков от сорванного банкета, чтобы следить за моими перемещениями, — ответила Мия, входя внутрь и закрывая за собой дверь. Щелчок замка отрезал их от внешнего мира. — А вы, я смотрю, решили утопить горе в торфяном дыму. Не самый плохой выбор, учитывая мартини, которым вас пытались опоить вчера.

Артём слабо усмехнулся. Уголки губ дрогнули, но глаза остались мертвыми. — Мартини был отвратительным. Кислятина. Я предпочитаю вкус поражения чистым. Без примесей. Проходите. Раз уж пришли, составьте компанию падшему принцу. Выпьете? — На работе не употребляю, — она прошла вглубь комнаты. Остановилась у панорамного окна. Отсюда открывался вид на реку, противоположный берег которой сиял огнями Сити — холодного, чужого,

современного мира, куда Артёму путь был заказан. — Но составить компанию могу. Расскажите мне про СНиП восемьдесят девятого года. Вы удивились тогда в клубе. Искренне.

Он тяжело оттолкнулся от шкафа. Подошел к бару, достал второй стакан. Плеснул янтарной жидкости. Поставил перед ней на дубовую столешницу. Его пальцы слегка дрожали. — Удивился? — он издал короткий лающий смешок. — Я был в ужасе. Мне показалось, что вы либо ведьма, либо агент разведки. Какое отношение строитель имеет к падению Берлинской стены? Это же политика. Символизм. — Строители смотрят в землю, Артём, — Мия взяла стакан, покрутила его в пальцах, согревая стекло, но пить не стала. — Фундаменты восьмидесятого года начали трещать в восьмидесятых. Государство сэкономило на бетоне. Здания рушились. В восемьдесят девятом вышел новый регламент. Ваш отец начинал свою карьеру с того, что заливал сваи в вечной мерзлоте где-то в Новом Уренгое. Там погиб его первый бригадир — из-за спешки сдали объект с нарушениями. Код сейфа — это не память о политике. Это памятник его первому профессиональному греху. Напоминание самому себе: никогда не верь тому, что скрыто под землей. Всегда проверяй фундамент.

Артём слушал ее, подавшись вперед. Впервые за два дня в его глазах появился фокус. Интерес. — Вы копаете глубже, чем мой психиатр, — тихо сказал он. — И знаете моего отца лучше, чем я. Зачем вам это? Гонорар вы уже потеряли. Репутация Соколова подмочена настолько, что нас завтра высмеют в Tatler. Какой ваш интерес, Мария? — Мой интерес — симметрия, — она сделала глоток. Виски обжег горло, прокатился жидким огнем вниз. Отлично. Алкоголь поможет ей сыграть следующую карту. — Кто-то построил идеальную конструкцию хаоса вокруг вашей семьи. Мне нужно понять несущую балку этого здания. Вас выбрали мишенью не случайно. Вы — слабое звено. Почему?

Он отвернулся. Подошел к окну, встал рядом с ней. Теперь они оба смотрели на темные воды Москвы-реки. — Потому что я банкрот, — произнес он в стекло. Голос звучал глухо, поглощаемый дождем. — Полный. Абсолютный. Иллюзорный принц в долговой яме глубиной в Марианскую впадину.

Мия замерла. Она ожидала услышать всё что угодно: признание в краже, рассказ об измене, историю про шантаж. Но слово «банкрот» ломало всю шахматную партию. — Объясните, — потребовала она, поворачиваясь к нему.

Артём залпом допил свой стакан. Налил снова. Руки его теперь тряслись заметно сильнее. — Видите эти часы? — он кивнул на свое запястье. Patek Philippe стоимостью с квартиру в центре. — Они заложены. В ломбарде на Арбате. Я выкуплю их через неделю. Если получу перевод. — Какой перевод? — Тот, которого не будет.

Он отошел от окна и начал мерить шагами гостиную. Три шага вперед, поворот, три шага назад. Замкнутый цикл паники. — Свадьба с Алисой, детектив. Думаете, это история Ромео и Джульетты? Или мезальянс? Нет. Это сделка по слиянию активов. Моя семья дает им имя и выход в высшее общество. Ее семья... точнее, то, что осталось от ее семьи... дает нам доступ к порту в Новороссийске. Контейнерный терминал. Золотое дно. Проблема в том, что терминал принадлежит структурам, которые очень не любят Виктора Соколова. Чтобы сделка прошла, нужен гарант. Человек, которому доверяют обе стороны. Этим человеком должен был стать я. Чистенький, умненький мальчик из Лондона. Идеальный посредник.

Он остановился. Посмотрел на свои руки. — Шесть месяцев назад ко мне пришел человек. Назвался представителем инвестиционного фонда. Сказал, что хочет зайти на российский рынок логистики. Дал мне инсайд: правительство вот-вот примет закон о субсидировании частных терминалов. Акции порта взлетят втрое. Нужно просто купить пакет бумаг сейчас, пока никто не видит. Сумма входа — пять миллионов долларов. Личных денег. — У вас нет пяти миллионов, — мягко подсказала Мия. — У меня есть трастовый фонд, — горько усмехнулся Артём. — До тридцати лет я не имею права трогать основную сумму, только проценты на содержание. Проценты составляют сто тысяч в месяц. Этого мало. Тогда этот «представитель»

предложил схему. Margin trading. Торговля с кредитным плечом. Один к десяти. Я кладу свои сто тысяч, система дает мне миллион заемных. Покупаем акции. Ждем роста. Через месяц продаем, гасим плечо, делим прибыль. Беспроеигрышный вариант.

Мия почувствовала, как внутри всё холодеет. Классическая схема развода на крипто- или фондовых рынках. Только масштабы здесь были имперские. — Сколько вы вложили? — спросила она, хотя уже знала ответ. — Всё, — выдохнул Артём. — Все деньги, до которых мог дотянуться. Сначала собственные накопления. Потом взял потребительский кредит в трех банках под залог будущей доли в бизнесе отца. Потом... потом пошли частные займы. Люди, которым плевать на твою фамилию. Им важен процент. Сорок процентов годовых. В долларах.

Он упал в кресло. Закрыв лицо ладонями. Плечи затряслись. Это была истерика трезвого, доведенного до края человека. — Фонд оказался пустышкой. Инсайд — ложью. Закон приняли с поправками, обрушив котировки. Кредитное плечо сработало в обратную сторону. За три дня я потерял двенадцать миллионов долларов. Чужих денег. Деньги ростовщиков. Деньги людей, которые носят костюмы Brioni, но держат бейсбольные биты в багажниках Maybach.

Мия села в кресло напротив. Образ сочувствующей подруги окончательно кристаллизовался. Она наклонилась вперед, положив локти на колени. — Когда срок возврата? — Завтра, — прошептал Артём сквозь пальцы. — В полдень. Они дали мне отсрочку из уважения к отцу. Сказали: «Виктор богат, пусть заплатит». Но если я попрошу отца... он узнает про махинации. Узнает, что я торговал воздухом. Он лишит меня всего. Выкинет на улицу. Мать останется в Швейцарии без аппаратов жизнеобеспечения. Эти люди... они прислали мне посылку. Неделю назад. Внутри лежал палец. Женский. Маленький. С красным лаком. И записка: «Мы знаем, где твоя невеста».

Алиса. Красный лак. Цианид в ухе. Страховка. Картинка сложилась в тошнотворно четкий пазл. — Поэтому вы согласились подписать брачный контракт, — догадалась Мия. — Любой ценой. — Да! — выкрикнул он, вскакивая. — Я подписал всё! Даже пункт о том, что в случае развода мои дети будут собственностью корпорации отца! Я отдал им десять миллионов наличными сегодня утром! Думал, этим куплю отсрочку! Принес кейс людям в черной машине возле Котельнической набережной. Отдал. А вечером выяснилось, что в кейсе бумага! Меня развели дважды! Сначала на бирже, потом те, кому я пытался отдать долг!

Он подошел к бару, схватил бутылку. Пальцы соскользнули с мокрого стекла. Бутылка упала на ковер. Темная лужа начала растекаться по персидскому узору. Артём этого даже не заметил. Он сполз по дверце бара на пол, сев на корточки. Обхватил голову руками. — Я труп, — простонал он. — Понимаете? Я мертвец. Те ребята внизу... они не шутят пальцем. Они начнут с Алисы. А закончат мной. Заставят смотреть.

Мия молчала ровно тридцать секунд. Давая ему выговориться. Выплеснуть яд. Затем она встала. Медленно обошла лужу виски. Опустилась на корточки перед ним. Их лица оказались на одном уровне. Вблизи он выглядел совсем мальчишкой. Испуганным, запутавшимся ребенком, играющим во взрослые игры и проигравшим всё до последней нитки. — Палец, — тихо сказала она. — Где эта коробка сейчас? — Выкинул, — всхлипнул он. — В мусоропровод. Сразу, как прочитал. Меня чуть не вырвало. — Лак. Цвет помните? — Обычный красный. Гель. Номер сорок семь у OPI. «Big Apple Red». Алиса таким красит.

Подтверждение. Шантажисты используют визуальные образы, знакомые жертве. Психологическая война.

Мия протянула руку. Легким, почти невесомым движением коснулась его щеки. Не сексуально. Матерински. Утешающе. — Вы идиот, Артём, — сказала она ровным голосом. — Но вы не вор. И вы не убийца. Его глаза, полные слез, поднялись на нее. — Что? — сипло спросил он. — Десять миллионов в сейфе вашего отца никогда не предназначались для выплаты долгов, — продолжила она, не убирая руки. — Это была приманка. Театр. Ваш отец знал, что за ним следят. Знал, что курьер придет за деньгами. Он заменил их на бумагу, чтобы проследить

за цепочкой. Но кукловод оказался быстрее. Он перехватил курьера. Забрал настоящий кейс, который ваш отец передал *до* вечеринки, и оставил вам бумажный спектакль, чтобы уничтожить вашу репутацию в глазах кредиторов.

— Но зачем? — прохрипел Артём. — Зачем кому-то играть в такие сложные игры? Украсть фантики... — Фантики стоят десять миллионов рублей, — возразила Мия. — Мелочь для вашего отца. Но идеальный инструмент давления на вас. Представьте, что случится завтра в полдень. Вы приходите к ростовщикам. Говорите: «Я отдал деньги вашему человеку на свадьбе». Они смеются вам в лицо. Показывают видеозапись, как вы выносите кейс. Вы открываете его... и находите бумагу. Они понимают: сын Соколова пытается их кинуть. Скрыть дыру в бюджете. Что делают серьезные люди, когда младший партнер пытается их обмануть?

Артём побелел так, что веснушки на носу стали казаться черными. — Они приходят к отцу, — прошептал он. — И говорят: твой сын украл наши деньги. И суют ему под нос видео. — Именно, — подтвердила Мия. — Они уничтожают доверие отца к сыну. Самый страшный удар. После такого Виктор не даст вам ни копейки. Он сдаст вас коллекторам сам, чтобы сохранить лицо перед своими партнерами. Вы станете токсичным активом. Вас вышвырнут из системы навсегда.

Артём закашлялся. Слезы текли по его лицу, смешиваясь с каплями пота. Он выглядел абсолютно сломленным. — Помогите мне, — вдруг сказал он. Голос изменился. Исчезла паника, осталась только глухая, животная мольба. — Пожалуйста. Я знаю, кто вы. Я навел справки. Вы беретесь только за безнадежные дела. Спасти меня — это безнадежнее, чем найти иголку в стоге радиоактивных отходов. Но я заплачу. Заплачу всем, что у меня осталось. — У вас ничего не осталось, — напомнила она, наконец убрав руку от его лица. — Кроме невесты с ядом в ухе и отца, который мечтает увидеть в вас достойного преемника, а видит позор. — Возьмите мою долю в будущем порте, — он схватил ее за рукав куртки. Пальцы впились в кожу мертвой хваткой. — Если мы вытащим терминал, это миллиарды. Станьте моим партнером. Моим... ангелом-хранителем. Только защитите Алису. Эти твари обещали забрать ее первой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.